

проф. Ляпуновымъ серб. уменьш. именъ *Урошицъ* и *Ђурђицъ* и т. п., то онѣ также малочисленны, какъ многочисленны западно-славянскія патронимическія имена на *-ic*.

Г. Ильинскій,

В. Н. Златарски. *Житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Θεодосіа уже въ тръновѣ постничествовавшего съписано светѣшимъ патріархомъ константинѣна града къръ калистомъ стѣкми за издание. . . .* София, държавна печатница 1904.—Житіе св. Θεодосіа Тырновскаго было написано извѣстнымъ патріархомъ Цареградскимъ Калистомъ (1350 — 1354 и 1355 — 1363). Славянскій его переводъ сохранился въ единственномъ спискѣ въ извѣстной подъ именемъ Панигирикъ Владислава грамматика рукописи 1479 г. Съ этой рукописи сдѣланъ былъ списокъ іеросхимонахомъ Спиридономъ, извѣстнымъ писателемъ новоболгарскаго возрожденія, составителемъ «Исторіи во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ»¹⁾. Іеросхимонахъ Спиридонъ, переписывая житіе по рук. XV в., позволялъ себѣ отступленія отъ текста Владислава грамматика, а именно пропуски и замѣну старыхъ выраженій и формъ ново-болгарскими.

Списокъ Спиридона хранился въ монастырѣ св. Богородицы около села Килифарева въ переплетенной книгѣ, въ которой находилась также печатная служба св. Меодію и Константину изд. въ Царьградѣ 1862 г. и въ рукописи 1) предисловіе Спиридона и 2) служба св. Θεодосію Тырновскому. Черезъ Даскалова эта книга попала въ руки О. М. Бодянскаго, который и издалъ житіе, допустивъ нѣкоторыя измѣненія въ пунктуаци и формахъ. Въ виду интереса этого житія для исторіи Болгаріи въ срединѣ XIV в. вполне умѣстнымъ является новое изданіе г. Златарскаго. Судя по всему мы получаемъ точную передачу рукописи Владислава грамматика со всѣми значками, титлами и удареніями. Благодаря этому новымъ изданіемъ можно пользоваться и ради языка. Мы жалѣемъ только, что издатель употребилъ не мало напраснаго труда, отмѣчая внизу подъ строкой отличія списка Спиридона и изданія Бодянскаго, которыя, по выясненіи ихъ отношенія къ оригиналу, никакого значенія не представляютъ. Къ изданію приложенъ указатель.

П. Лавровъ.

ГРУЗИЯ.

Dr. Wilke. *Religiöse Gebrauche der Chewsuren.* Deutsche Rundschau f. Geographie u. Stat. XIX, S. 170 — 4, 215 — 23.

По словамъ автора, статья основана, какъ на устныхъ сообщеніяхъ мѣстнаго населенія, такъ и на трудахъ кн. Р. Эристова, Худадова и Раддэ,

¹⁾ Эта Исторія напечатана В. Н. Златарскимъ въ 1900 г. подъ заглавіемъ Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ сочинися и списася въ лѣто 1792 Спиридономъ іеросхимонахомъ. Въ интересномъ предисловіи сообщаются свѣдѣнія объ авторѣ Исторіи, выясняется отношеніе ея къ извѣстной Исторіи славяно-болгарской Паисія и разбираются источники ея.

а также на извлеченіяхъ изъ этнограф. писемъ Урбнели. Dr. Вильке сообщаетъ, что хотя хевсуры и приняли христіанство почти одновременно съ другими своими грузинскими соплеменниками, но, благодаря историческимъ условіямъ и топографическимъ особенностямъ ихъ мѣстности, рано были оторваны и лишены возможности усваивать глубже христіанскую вѣру или даже удержать въ чистотѣ принятое ученіе. Постепенно благодаря вліянію мусульманства и іудейской религіи выработалось, по мнѣнію г. Вильке, то своеобразное религіозное міросозерцаніе и обряды, которые можно въ настоящее время наблюдать у хевсуровъ. Въ данномъ случаѣ авторъ впадаетъ въ обычную ошибку, преувеличивая значеніе якобы полной изолированности хевсуръ отъ остального грузинскаго населенія и вліянія двухъ вышеупомянутыхъ религій для выработки вѣрованій и культа современныхъ хевсуровъ; въ данномъ процесѣ, какъ это еще давно указывалъ М. Ковалевскій, игралъ главнымъ образомъ синкретизмъ христіанства съ маздеизмомъ, бывшимъ въ Грузіи до христіанства мѣстнымъ культомъ (см. Законъ и обычай на Кавказѣ, стр. 90 и слѣд.). Отъ христіанской религіи, по словамъ г. Вильке, остались лишь слабые отголоски: такъ, напр., хевсуры видимо почти ничего не знаютъ о св. Духѣ; Богъ Отецъ, котораго называютъ они также «Мориги», сидитъ по ихъ представленію на 7 небѣ, онъ не вмѣшивается непосредственно въ судьбы міра, а только при посредствѣ сонма небеснаго воинства, называемыхъ іасаулами. Богъ сынъ — является богомъ умершихъ, но не играетъ большой роли въ религіозномъ міросозерцаніи хевсуровъ; Дѣва Марія почитается, но не какъ въ православной церкви, а какъ обыкновенная святая; далѣе ап. Петръ и Павелъ рисуются имъ во образѣ ангеловъ; основная идея христіанства искупительной миссіи Христа совершенно исчезла у хевсуровъ; наоборотъ культъ святыхъ получилъ у нихъ особенное развитіе, но смѣшался съ языческими представленіями. Между святыми особеннымъ почитаніемъ пользуется Георгій Побѣдоносецъ, который представляется то защитникомъ отъ грабежа падежей, то покровителемъ охотниковъ и т. д.; существуетъ масса легендъ, связанныхъ съ именемъ этого святого. Хевсуры имѣютъ много святилицъ, время построенія которыхъ относится нерѣдко къ сѣдой старинѣ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе іерархической организаціи духовенства у хевсуровъ и ихъ сферъ дѣятельности; изложеніе почти совпадаетъ съ изложеніемъ Гана (см. ниже), что объясняется общностью источниковъ и одинаково компилятивнымъ характеромъ обѣихъ статей. Послѣ этого идетъ изложеніе обычаевъ, связанныхъ съ обрученіемъ и свадьбой. Затѣмъ авторъ сообщаетъ о томъ, что женщины въ періодъ менструаціи и родовъ считаются нечистыми и потому должны по хевсурскому обычаю находиться въ изолированномъ помѣщеніи на краю деревни. Г. Вильке думаетъ, что данное воззрѣніе и связанные съ нимъ обычаи основываются на ветхозавѣтныхъ повѣрьяхъ, но заключеніе совершенно неправильное; этотъ вопросъ разрѣшенъ уже давно М. Ковалевскимъ въ томъ

же трудѣ, на который было выше указано (см. стр. 97—99), гдѣ совершенно убѣдительно доказывается, что эти обычаи являются только остатками и пережитками маздеизма. Г. Вильке переходитъ потомъ къ положенію обрядовъ, связанныхъ со смертью и похоронами; причеиъ и въ этомъ случаѣ впадаетъ въ ошибку, высказывая мнѣніе, что эти обычаи основаны на Моисеевомъ законѣ, когда и въ данномъ случаѣ имѣется на лицо только переживание маздеизма (см. Ковалевскій, *ibid*, стр. 92—97). Вообще у г. Вильке замѣтно недостаточное знакомство съ литературой вопроса, и всюду, гдѣ только онъ вдается въ объясненія, впадаетъ въ ошибки.

Dr. Wilke. *Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern* (въ *Zeitschrift für Ethnologie*, S. 1904, Heft, S. 39—104).— Авторъ указываетъ, что вопросъ о происхожденіи металлической культуры Кавказа затрагивался различными изслѣдователями, какъ то Chantre, Virchow, Morgan, Уваровъ, Филимоновымъ, Höpnes и др.; при этомъ въ послѣдней своей работѣ Вирховъ (Ueber die Kulturgesch. Stellung des Kaukasus unter bes. Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus transkauk. Gräbern, Berlin 1895) на основаніи отсутствія въ орнаментикѣ кавказскихъ металлических произведеній изображеній львовъ и рѣдкихъ случаевъ быковъ заключилъ, что ассирійско-вавилонская культура металла не могла имѣть вліянія на кавказскую; а такъ какъ всѣ животныя, изображеніемъ которыхъ разукрашены бронзовые произведенія искусства Кавказа, имѣются на мѣстѣ, то онъ склонялся къ мнѣнію, что для объясненія происхожденія кавказскаго искусства нѣтъ необходимости искать образцы въ чужестранной культурной области, и что вышеуказанное наблюденіе надъ орнаментикой указываетъ скорѣе на его чисто мѣстное происхожденіе. Послѣ детальнаго изученія различныхъ металлических произведеній доисторической эпохи Кавказа и указанія параллелей, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: изъ множества параллелей, которыя возможно прослѣдить до мельчайшихъ подробностей, несомнѣнно выясняется, что между придунайскими и кавказскими культурными мѣстностями первоначально должна была существовать тѣсная связь. Конечно, возможно было думать также, что у обоихъ культурныхъ центровъ могъ существовать одинъ и тотъ же источникъ, преимущественно микенская культура, что даже старались доказать нѣкоторые археологи, но открытые и изслѣдованные Байерномъ во множествѣ новые матеріалы изъ могильниковъ Кавказа не даютъ уже возможности, по мнѣнію автора, несмотря на извѣстныя схожія черты съ микенской культурой, серьезно предполагать непосредственную зависимость кавказской отъ первой (стр. 95); къ такому выводу приводитъ множество существенныхъ особенностей кавказской культуры.

Такимъ образомъ, если признать возможнымъ непосредственную связь придунайской и кавказской металлической культуры, тогда возникаетъ важный вопросъ: которая изъ этихъ культуръ старше, распространилось ли

знаніе обработки металла съ Кавказа на Западъ, или путь былъ обратный? И д-ръ Вильке приходитъ къ такому заключенію, что приоритетъ обработки металловъ долженъ принадлежать придунайской культурѣ, такъ какъ только въ тамошней культурѣ каменнаго вѣка можно наблюдать прототипы позднѣйшихъ металлическихъ произведеній обоихъ культурныхъ центровъ (стр. 96). Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, когда должно было проникнуть это культурное теченіе изъ придунайскихъ и прилегающихъ къ нимъ мѣстностей на сѣверный Кавказъ и въ Закавказье? Тѣ параллели кавказскихъ металлическихъ произведеній, которыя оказываются въ придунайской культурѣ, восходятъ къ древнѣйшему періоду металлической эпохи, а иногда даже достигаютъ послѣдняго періода каменнаго вѣка; вслѣдствіе этого приходится думать, что, если металлическая культура была на Кавказѣ заимствована съ Запада, то это должно было произойти въ очень раннюю пору, когда это искусство на мѣстѣ было еще въ зачаткѣ. Послѣ этого въ продолженіи многихъ вѣковъ культурная связь между этими двумя центрами была совершенно порвана, вѣроятно, вслѣдствіе вторженія скиеоалтайскихъ племенъ въ мѣстность, лежащую между ними. Только сравнительно позднѣе, именно съ латеранскаго періода, прерванная связь, благодаря торговлѣ, начинаетъ возобновляться. Переходя къ выясненію пути, по которому должна была проникнуть металлическая культура на Кавказъ и находя въ произведеніяхъ искусства могильниковъ Самтавро, Гори и прибрежныхъ мѣстъ р. Куры съ таковыми-же находками сѣвернаго Кавказа и придунайскихъ областей большое сходство, и въ тоже время убѣждаясь, что чѣмъ южнѣе отъ Закавказья спускается изслѣдователь, тѣмъ рѣже можно найти аналогіи, г. Вильке заключаетъ, что металлическая культура на Кавказѣ должна была проникнуть съ сѣвера; при этомъ авторъ думаетъ, что единственнымъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, какъ проникла эта культура, путемъ постепеннаго заимствованія и торговли, или сразу, будетъ предположить вторженіе или переселеніе на Кавказъ какого либо племени, знавшаго уже обработку металловъ, такъ какъ только это можетъ объяснить внезапное появленіе вполне развитого металлическаго производства на Кавказѣ. Г. Вильке подыскиваетъ и историческія оправданія своей теоріи внесенія металлической культуры на Кавказъ съ Запада путемъ вторженія или переселенія: онъ приводитъ свѣдѣніе Геродота, признаваемое многими изслѣдователями за баснословное, о большомъ движеніи племенъ съ сѣвера Понта въ переднюю Азію: именно вторженіе Киммерійцевъ, преслѣдуемыхъ скиоами, на Кавказъ и Мидію. Г. Velsk на основаніи ассирійскихъ и халдейскихъ надписей относитъ первое появленіе киммерійцевъ въ Закавказьѣ приблизительно къ 1150 году до Р. Х., конецъ же вторженія—къ IX вѣку до Р. Х.; вообще съ начала XI вѣка на югѣ Малаго Кавказа замѣчается большая перетасовка племенъ, что является слѣдствіемъ теченія, идущаго отъ большого Кавказа и Куры къ Закавказью (Antikaukasus); это явствуетъ особенно изъ извѣстія

Тиглатпилесара I о томъ, что Моски около 1070 года до Р. X. оставили свои мѣста расселенія и поднялись въ горныя области. Въ виду того, что вторженіе и переходъ черезъ Кавказскій хребетъ большой массой дѣло въ высшей степени затруднительное, естественно приходится думать, по словамъ г. Вильке, что переселеніе Киммерійцевъ на Кавказъ должно было совершиться два или три столѣтія; такимъ образомъ, начало ихъ движенія изъ родины придется отнести приблизительно къ 1400 году до Р. X., быть можетъ, даже нѣсколько къ болѣе раннему времени; этому періоду времени, говоритъ г. Вильке, вполне соотвѣтствуетъ начало теченія на Востокъ металлической культуры съ придунайскихъ областей (стр. 101).

Какъ сама работа Dr'a Вильке, такъ и теорія заслуживаютъ серьезнаго вниманія; можно только сказать, что на Кавказѣ произведено еще очень мало раскопокъ, собрано весьма ничтожное количество матеріаловъ, чтобы поднятый г. Вильке вопросъ можно было считать рѣшеннымъ; тѣмъ болѣе, что авторомъ въ своей работѣ упущено одно очень важное и для рѣшенія вопроса существенное свидѣтельство древнегреческихъ историковъ и географовъ о томъ, что древнѣйшая металлическая культура въ Малой Азіи и даже за ея предѣлами шла изъ юго-восточныхъ прибрежныхъ провинцій Чернаго Моря, именно отъ одного изъ Картвельскихъ племенъ Халибовъ, носившаго позднѣе названіе Тчановъ. Г. Вильке, прежде чѣмъ выставить собственную теорію, слѣдовало высказаться относительно вышеприведеннаго свѣдѣнія классическихъ писателей.

C. Hahn. *Die alte Hierarchie bei den Chewsuren, ihre Bethäuser und religiösen Gebräuche* въ Archiv f. Religionswiss., II. B., S. 285—99.—Авторъ статьи, указавъ, что затронутый имъ вопросъ подвергался еще раньше обсужденію какъ Dr. Радде, такъ и имъ самимъ, выясняетъ, какой характеръ будетъ носить его данное сочиненіе. Г. Ганъ хочетъ на основаніи обнаруженныхъ на грузинскомъ и русскомъ языкахъ изслѣдованіяхъ дать для интересующаго вопроса много новыхъ деталей. Первый вопросъ касается Хэвись-бери и Цихись-тави, правъ и обязанностей Хэвись-бери (правитель ущелья) и священнаго знамени. Авторъ указываетъ, что современное положеніе и функція дѣятельности Хэвись-бери у хевсуровъ представляетъ изъ себя очень оригинальное явленіе и сильно отличается отъ того положенія, которое занимали они при грузинскихъ царяхъ. Въ это время они являлись просто административными чинами, подчинялись эристамъ (правителямъ области) и государевой Думѣ (дарбази). Кровь Хэвись-бери цѣвилась въ 6000 сер. мон., должность была наследственна въ родѣ и могла быть передана члену другой фамиліи только въ томъ случаѣ, когда мужское поколѣніе Хэвись-бери вымирало. Обязанности Хэвись-бери заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ предводительствовать войсками своего ущелья, заботиться и наблюдать за крѣпостями и ихъ гарнизонами; при первомъ же призывѣ царя на войну, онъ обязанъ былъ развернуть знамя и повести войско въ бой; въ случаѣ отказа пойти на войну онъ лишался занимаемой должности, а въ случаѣ

болѣзни его обязанъ былъ замѣнить братъ, или другой его близкій родственникъ. Хэвисъ-бери подчинялся цихисъ-тави (комендантъ крѣпости), должность котораго была также наслѣдственна въ родѣ. Въ вышеприведенномъ изложеніи компетенціи этихъ двухъ должностныхъ лицъ г. Ганъ видимо сильно пользовался прекрасной монографіей историка грузинскаго права Хизанашвили «Дзэглись деба», хотя авторъ нигдѣ его имени не упоминаетъ. Такимъ образомъ, заключаетъ г. Ганъ, должность Хэвисъ-бери и цихисъ-тави были чисто военныя и съ отправленіемъ религиозныхъ обрядовъ не имѣли ничего общаго. Позднѣе они начали принимать на себя и эти функціи и понемногу свѣтская сфера ихъ дѣятельности начала отступать на задній планъ. Въ настоящее время Хэвисъ-беры являются главами мѣстныхъ святынь — «хати» (соб. образъ) и пастырями народа. Г. Ганъ думаетъ, что подобная метаморфоза произошла благодаря природнымъ условіямъ мѣстности, которую заселяютъ хевсуры, замкнутость и оторванность отъ своихъ соплеменниковъ во все зимнее и осеннее время года. Убыль христіанскаго духовенства по этой причинѣ восполнялась слабо и не всегда. Для совершенія христіанскихъ требъ приходилось обращаться къ лицамъ свѣдующимъ, а таковыми могли быть Хэвисъ-беры; и неоцѣнимая заслуга ихъ заключается въ томъ, что, несмотря на постоянно усиливавшееся мусульманство, они сумѣли удержать хевсуровъ въ христіанствѣ, хотя и въ сильно измѣненномъ и искаженномъ видѣ. Они пользуются среди народа большимъ уваженіемъ; подъ ихъ властью находится цѣлая духовная іерархія: хуцесы, деканозы, дастуры и т. д.; они, по словамъ автора статьи, не гнушаются тѣмъ, что для собственной выгоды приписываютъ выборы новаго Хэвисъ-бери — волѣ святого. Хэвисъ-бери выдается среди населенія чистотой и нравственностью жизни. При праздничныхъ выходахъ выносятся и священное знамя, причемъ прежде знамя сопровождалось толпой вооруженныхъ, а теперь является празднично разодѣтая толпа. Со знаменемъ въ рукахъ Хэвисъ-бери является неограниченнымъ, по словамъ автора, поводителемъ: за его словомъ всюду послѣдуетъ народъ, который при одномъ видѣ знамени приходитъ въ воодушевленіе. Общественная жизнь хевсуровъ, по мнѣнію г. Гана, преимущественно носитъ религиозный характеръ; каждое сельское общество имѣетъ свою святыню — «хати» (образъ); жители считаютъ себя рабами (кма) святыни, которой посвященъ опредѣленный участокъ; святыня (хати) представляетъ изъ себя молитвенный домъ, ничѣмъ не отличающійся отъ обыкновенныхъ построекъ за исключеніемъ большого количества турыхъ и оленьихъ роговъ, приподнесенныхъ охотниками святилищу; обыкновенно тамъ нѣтъ и иконъ; святилище носитъ имя того святого, которому посвящена молезна: рядомъ съ ней стоитъ домъ — дарбази для духовныхъ лицъ и тутъ же пивная со всѣми приспособленіями для варки напитка. Всѣ жители старше 15 лѣтъ обязаны по очереди охранять святыню. Управление имѣніями «хати» находится въ рукахъ дастуровъ; эти имѣнія распаиваются въ

субботу всѣмъ сельскимъ обществомъ, такимъ же способомъ происходитъ жатва, доставка сноповъ на мѣсто и молотба. На самой низкой ступени духовной іерархіи стоятъ такъ называемые «шулта», ихъ въ каждой деревнѣ двое, они должны быть «святы» и чисты; во время періода своего служенія они не должны прикасаться къ женщинѣ, а съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе, ему слѣдуетъ избѣгать даже встрѣчи. Во время праздника онъ не имѣетъ права входить въ «дарбазы». «Дастуры» занимаются варкой пива и кушаній для духовныхъ лицъ и народа въ праздники; на эту должность выбираютъ на извѣстный срокъ; дастуры бываютъ старшіе, которые исполняютъ свои обязанности во время всенародныхъ праздниковъ, и младшіе — на обыкновенныхъ; дастуры входятъ въ дарбазы и могутъ быть въ сообществѣ съ высшими духовными лицами. Когда хуцесъы (священники) закалываютъ жертвенное животное, то дастуры держатъ животное за ноги, причемъ первые окрапляютъ принесенное жертвенное животное и его семью кровью. Дастуры не должны никогда находиться въ сообществѣ съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе, причемъ за мѣсяцъ до праздника онъ обязанъ воздерживаться отъ общенія съ женой. Священнослужителями являются только хуцесъы и деканозъы; ихъ выбираетъ не населеніе, а само святилище «хати» черезъ посредство прорипателей кадаг'овъ. Каждая деревня имѣетъ своего священнослужителя—хуцесъа; онъ совершаетъ всѣ требы. Деканозъамъ и хуцесъамъ ввѣрено знамя, при переносѣ котораго народъ падаетъ на колѣни и говоритъ: «побѣда Господу (т. е. святынѣ) и рабу его (т. е. народу)»! Послѣ окончанія праздника, передъ тѣмъ какъ всѣ священные сосуды переносить въ то мѣсто, гдѣ они обыкновенно хранятся, хуцесъы и деканозъы поднимаютъ сосудъ съ пивомъ и при всеобщемъ вниманіи первые изъ нихъ произносятъ проклятіе всѣмъ ворами, измѣнникамъ родного села и наносящимъ какой либо ущербъ сородичамъ, выливая изъ сосуда на землю пиво, причемъ онъ произноситъ «пусть также какъ и эта чаша опустѣетъ домъ и родъ измѣнника деревни». Народъ, въ средѣ котораго должны непремѣнно находиться женщины и дѣти, произноситъ «аминь! аминь!». Хуцесъ обязанъ хранить чистоту и святость: въ продолженіе 6 недѣль до праздника онъ не долженъ прикасаться къ женѣ, а, если во снѣ онъ увидитъ сладострастное видѣніе, то онъ долженъ выкупаться въ рѣкѣ, будь даже это въ самую суровую зиму, но и послѣ этого не можетъ совершать службы; точно также онъ долженъ избѣгать встрѣчи съ женщинами въ періодѣ менструаціи. Деканозъы немного ниже «хуци», они прислуживаютъ ему во время исполненія требъ. Кромѣ перечисленныхъ духовныхъ лицъ, хевсуры думаютъ, что существуютъ лица, которыя могутъ сообщить народу волю божества; такія лица называются «кадаг'ами», прорипателями. Они выбираютъ самой святыней: если съ кѣмъ либо случается первый припадокъ, который сопровождается криками и пророчествомъ, то это считается признакомъ избранія въ «кадаги». Они предсказываютъ несчастія, болѣзни и волю «хати». Рангомъ ниже

кадаг'овъ считаются женщины или дѣвцы, сфера ея прорипанія болѣе ограничена.—Статья представляетъ изъ себя компиляцію; вопросъ о томъ, какъ Хэвись-бери изъ военнаго начальника превратился въ духовное лицо, выясняется очень слабо, такъ какъ для разрѣшенія его недостаточно ограничиваться простыми логическими соображеніями и указаніемъ на возможности, а необходимо прослѣдить процессъ перехода по историческимъ и юридическимъ документамъ.

М. Джанашвили. Царевичъ Вахуштій. Географія Грузіи. Издано редакціею журн. «Могзаури» по автографу Вахуштія. Тифлисъ 1904 г. (ბატონიშვილი ვახუშტი, საქართველოს გეოგრაფიის რედაქციის მ. გ. ჯანაშვილის).—Въ своемъ большомъ (120 стр.) введеніи г. Джанашвили затрагиваетъ массу вопросовъ непосредственнаго отношенія къ темѣ не имѣющихъ; введеніе заключаетъ въ себѣ: Вахуштій и его трудъ; грузины и Грузія; этнографическое обзорѣніе народовъ, населяющихъ древнюю и современную Каппадокію и Тчанети; Мцхетское царство и грузинскій языкъ; религія; торговля, пути сообщенія и др. Сначала г. Джанашвили, въ первой главѣ, сообщаетъ біографическія свѣдѣнія и о объ ученой дѣятельности ц. Вахуштія. Глава II о Грузинахъ и Грузіи представляетъ изъ себя простую компиляцію изъ статьи Ленорана (стр. 18—27), изслѣдованія Никольскаго (стр. 27—34) и Чубинова Этногр. обзорѣніе (стр. 34—54); въ главѣ объ Мцхетскомъ царствѣ и грузинскомъ языкѣ можно встрѣтить очень мало непосредственно уясняющаго государственнй строй мцхетскаго царства; по вопросу о грузинскомъ языкѣ, вопросу съ географіей Вахуштія тѣсной связи неимѣющему, собраны мнѣнія ученыхъ, такъ или иначе высказывавшихся о его происхожденіи и структурѣ, а затѣмъ приводятся «матеріалы для того, чтобы видѣть, какое родство между грузинскимъ языкомъ и его діалектами» (стр. 2); авторъ приводитъ сравнительный списокъ словъ мѣстоименій и глагольных формъ и т. п. на грузинскомъ, мингрельскомъ, тчанскомъ (или лазскомъ) и сванскомъ; въ этой главѣ имѣется немало правильныхъ мыслей, вѣрныхъ сближеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ немало и неприемлемыхъ, невыдерживающихъ критики выводовъ. Въ главѣ о религіи приводятся современныя народныя вѣрованія о сотвореніи міра (стр. 26), небѣ (27), солнцѣ и лунѣ (3); затѣмъ г. Джанашвили старается выяснитъ мѣстный языческій культъ грузинъ на основаніи анализа названій дней недѣли (стр. 38, 39, 40) и въ общемъ приходитъ къ правильному выводу; переходя къ выясненію грузинскаго языческаго пантеона, авторъ дѣлаетъ наряду съ невыдерживающими критику правильныя и интересныя сближенія и возбуждаетъ, иногда самъ того не замѣчая, очень важныя вопросы, разрѣшеніе которыхъ способствовало бы научному выясненію вопроса о языческомъ культѣ и пантеонѣ. Все предисловіе страдаетъ путанностью и бессистемностью изложенія; главный же вопросъ о томъ, какъ возникла географія Вахуштія, каковы были ея источники и, насколько Вахуштій удовлетворялъ современнымъ ему требованіямъ

науки, выяснены у г. Джанашвили недостаточно, такъ какъ все вниманіе его было поглощено изложеніемъ своихъ собственныхъ соображеній. Текстъ географіи изданъ по автографу Вахуштія.

М. Джанашвили. *Гори и его окрестности* (см. Сборн. Матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа, вып. XXXIV, отд. 1, стр. 163—200).—Очеркъ содержитъ: 1. Городъ Гори: мѣстоположеніе, рѣки, улицы и дома, крѣпость... Гори по описанію Вахушти, окрестности — Начармагевы — лѣтняя резиденція грузинскихъ царей, оконская икона... 2. Уплисцихе: мѣстность отъ Гори до Уплисцихе, сел. Уплисцихе, пещерный городъ Уплисцихе, этимологія слова «Уплись-цихе», устройство города, надписи, тоннель, справка изъ исторій. 3. Атени: входъ въ Атенское ущелье, сел. Хидистави, ущелье Таны, этимологія слова Атени; число жителей, сел. Вере, Данахвиси, Сіонъ, скульптурныя и фресковыя изображенія, водопроводъ, надписи, справка изъ исторій; мнѣніе Н. П. Кондакова о памятникахъ и орнаментахъ Грузіи и Атенскаго Сіона. 4. Гориджвари: мѣстоположеніе Гориджвари, очаровательные виды, пути и тропы, сѣрные источники, сел. Гориджвари, водопроводъ и надпись его соорудителя, домъ для богомольцевъ, входъ въ цитадель, церковь во дворѣ цитадели, храмовой крестъ, въ которомъ хранится черепъ св. Георгія, царь Свимонъ и турки.—Очеркъ г. Джанашвили ничего существенно новаго не даетъ.

Ф. Жорданія. *Историческіе документы монастырей и церквей Карталинѣи и Кахетіи* (თ. კარტლის, ქართლ—კახეთის მონასტრების და ეკლესიების ისტორიული საბუთები, ფოთი). 1903 г. — Книга издана на средства епископа Александра. Документы начинаются неизвѣстно почему съ 1632 года, причеиъ вся масса документовъ, начиная съ 1 стр. вплоть до 186-ой страницы, не имѣетъ общаго заглавія и только со стр. 187 уже документы идутъ съ общими заглавіями, какъ напр. отъ стр. 187—209 гуджары Свети-цховели (т. е. Мцхетскаго Собора), отъ 210—226 стр. гуджары Сіонскаго собора; отъ 227—231 стр. документы Манглискаго собора; отъ 232—262 стр. докум. Алавердскаго собора; отъ 263—266 стр. гуджары Цилканскаго собора; отъ 266—267 стр. гуджары (хотя на самомъ дѣлѣ приводится всего одинъ документъ); отъ 268—272 стр. гуджары Ниноцминдскаго собора. Документы сразу прерываются и издатель ничего не говоритъ, чѣмъ это было вызвано, думаетъ ли дальше продолжать печатаніе документовъ, или книга считается имъ вполне законченной. Всѣ документы изданы очень небрежно, съ массой опечатокъ, безъ необходимыхъ предварительныхъ поясненій и безъ всякаго хронологическаго порядка: такъ напр. на стр. 187—191 помѣщены документы, начиная съ 1546 года, кончая XVIII столѣтіемъ, на 191 стр. вдругъ оказывается гуджаръ 1580 года, а на слѣдующей уже 1413—20 годовъ, на 193 стр. документъ 1706 года, на слѣдующей опять неожиданно гуджаръ 1356 года и т. д. все въ такомъ же родѣ; при совершенномъ отсутствіи даже краткаго оглавленія весьма затруднительно пользоваться даннымъ изданіемъ документовъ. Претендовать оно кромѣ того

на полноту матеріаловъ не можетъ; непонятно, почему г. Жорданія начинаетъ печатаніе документовъ именно съ 1632 года, а болѣе ранніе документы онъ выпустилъ; можно было бы предполагать, что онъ ограничился только тѣми, которые нигдѣ еще не были обнародованы,—но это предположеніе было бы неосновательнымъ, такъ какъ въ этой книгѣ имѣются напечатанные уже раньше даже имъ самимъ документы, такъ, напр., на стр. 192 приводится гуджаръ, относимый г. Жорданія къ 1413—1420 г. и помѣченный № 150, который былъ самимъ г. Жорданія напечатанъ во II томѣ его Хроникъ (см. стр. 226—7). Вообще г. Жорданія въ своей книгѣ никогда не указываетъ ни изданій, ни литературы печатаемыхъ документовъ; такія указанія тѣмъ болѣе важны, что г. Жорданія въ своихъ изданіяхъ весьма неаккуратенъ и даетъ разнорѣчивыя показанія, такъ что разобраться, гдѣ истина, совершенно не возможно; такъ напр. вышеупомянутый документъ въ напечатанныхъ имъ въ 1897 году хроникахъ обозначенъ подъ № 250 и отнесенъ къ 1420—1428 годамъ; печатая этотъ же документъ теперь подъ другимъ № и относя къ болѣе раннему времени, онъ ни словомъ не обмолвился, чѣмъ объясняется такая метаморфоза; подобныхъ примѣровъ можно привести немало. Между тѣмъ въ книгѣ имѣется много весьма важныхъ и интересныхъ документовъ, благодаря которымъ можно детально изучить церковную организацію, правовое и экономическое положеніе духовенства и церковныхъ крестьянъ и другіе институты древней Грузіи; и очень жаль, что изданіе, на печатаніе котораго затрачено немало труда и денегъ, появилось въ свѣтъ съ такими существенными недостатками; всѣ документы необходимо вновь переиздать. Г. Жорданія въ своемъ введеніи (XXIX стр.) говоритъ о многомъ, но очень мало непосредственно относящемся къ дѣлу; однимъ изъ такихъ вопросовъ является затронутая имъ исторія крѣпостничества въ Грузіи, но и этотъ вопросъ освященъ безъ всякаго документальнаго обоснованія: вопросы разрѣшаются съ удивительной легкостью.

Все то, что говорится у г. Жорданія относительно идеаловъ будущаго соціального строя сравнительно съ строемъ въ древней Грузіи, поражаетъ, какъ своей наивностью, такъ и недостаточнымъ знакомствомъ съ затрагиваемымъ вопросомъ: такъ, напр., г. Жорданія находитъ, что хотя европейцы и вооружены наукой и искусствами, тѣмъ не менѣе у нихъ варварскій соціальный строй, такъ какъ тамъ только буржуазія, аристократія и бюрократы наслаждаются, а народъ почти сравненъ съ землей и унижается (стр. XVII). Далѣе онъ жалуется на ужасающій милитаризмъ Европы и восхищается древнегрузинской, правда простой, но зато разумной военной организаціей, которая, по словамъ г. Жорданія, неизвѣстна Европѣ (стр. XVII). Излагая далѣе эту систему Грузіи, когда цѣлое дворянское сословіе занималось военнымъ дѣломъ, упражняясь у себя въ деревняхъ во время состязаній и на охотахъ въ стрѣльбѣ въ цѣль и т. д., онъ какъ бы рисуетъ идеалъ военной организаціи для Европы; ему, очевидно, неиз-

вѣстно, что и Европа въ средніе вѣка знала этотъ способъ организаціи войска, но что съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, хотя это, видимо, для историка Жорданія осталось незамѣченнымъ, и поэтому въ Европѣ не найдется никого, который посовѣтовалъ бы своему народу вернуться къ среднимъ вѣкамъ. Сильно ошибается г. Жорданія, когда утверждаетъ, будто Грузія не знала милитаризма; объ этомъ сохранилось совершенно ясное свидѣтельство у одного грузинскаго историка.

Въ своемъ увлеченіи г. Жорданія доходитъ до того, что утверждаетъ, будто социальная и государственная организація древней Грузіи «неоспоримо выше стоитъ государственнаго законодательства современныхъ просвѣщенныхъ европейцевъ» (sic! стр. XX). Соціальныи строй древней Грузіи, конечно, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія и интереса, какъ совершенно правильно говоритъ г. Жорданія (стр. XIX), но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этотъ строй могъ служить идеаломъ для современнаго общества; подобная защита ничего кромѣ вреда дѣлу изученія и интереса къ прошлому Грузіи не можетъ принести. Къ сожалѣнію подобныя перлы въ немаломъ количествѣ встрѣчаются въ маленькомъ введеніи г. Жорданія, который несомнѣнно оказалъ бы большую услугу и наукѣ, и родному обществу, если бы отказался отъ задачи сочинять будущіе идеалы общества, а ограничился бы добросовѣстнымъ изученіемъ имъ издаваемыхъ документовъ.

Свящ. Полиевктъ Карбелашвили. *Иерархія грузинской церкви. Католикосы и архиепископы.* Тифлисъ 1900. 212 стр. (მღ. პოლიექტოს კარბელაშვილი, — ეპისკოპოს სჯარბელაშვილის ეკლესიის, კათალიკოსნი და მღვდელთ მთავარნი). Въ первой, второй и третьей главахъ своего труда о. Карбелашвили пишетъ объ распространеніи христіанства въ Малой Азіи и Грузіи (краткій очеркъ), изложеніе и освѣщеніе совершенно устарѣлое. Авторъ нерѣдко держится очень наивной точки зрѣнія и съ существующей критической литературой вопроса вовсе не считается; онъ повторяетъ традиціонное мнѣніе о внезапномъ принятіи Грузіей христіанства, что явилось по его словамъ результатомъ того напряженнаго вниманія, съ которымъ будто бы слѣдили наши предки за проповѣднической и мессіанской дѣятельностью Іисуса Христа, извѣстной имъ яко бы по разсказамъ ежегодно путешествовавшихъ въ Іерусалимъ на пасху евреевъ, жившихъ въ Грузіи. «Именно причиной того, восклицаетъ авторъ, что проповѣдь апостоловъ не прошла даромъ и слѣды (sic!) ихъ (проповѣднической) дѣятельности до сихъ поръ напечатлены и удержаны въ памяти (народной), было то, что апостолы не нашли въ Грузіи такого непониманія и препятствій, какъ напр. въ тогдашней прогрессивной Греціи (sic!), которая распяла въ Ахайѣ апостола Андрея» и т. д. въ такомъ же стилѣ. Вообще, вся эта часть не даетъ ничего новаго и полна обычныхъ заблужденій. Въ четвертой главѣ о. Карбелашвили приводитъ четыре списка грузинскихъ архіепископовъ и католикосовъ: первый изъ нихъ принадлежитъ перу Давида Ректора и хранится въ библіотекѣ Общества распространенія грамотности

среди грузинъ; второй — приводится въ книгѣ ректора тифл. дух. семинаріи Евгенія «Исторія Грузинской Іерархіи. 1824 г.»; третій — въ хроногр. исторіи Мхитара Айриванскаго и четвертый — въ хроникѣ Обращенія Грузіи. «Къ этимъ четыремъ спискамъ, говоритъ авторъ, мы прибавимъ другіе вновь найденные списки (напр. изъ рук. шіомгвимскаго монастыря и изъ сигелей и гуджаровъ) и внесемъ всѣ свѣдѣнія о католикосахъ, которыя мы встрѣчали гдѣ-либо. Мы постараемся обозначить хронологическія данныя о католикосахъ и архіепископахъ, когда только это будетъ возможно, точно; но привести [всегда] точно всѣ хронологія данныя невозможно и потому время (управленія) нѣкоторыхъ католикосовъ обозначено насколько возможно приблизительно, сообразуясь съ годами царствованія государей»; (стр. 16) авторъ совершенно правъ, когда говоритъ, что хронологію нѣкоторыхъ католикосовъ можно установить только приблизительно. Самъ о. Карбелашвили сознаетъ дефекты своего труда и говоритъ: «заранѣе сознаюсь, что наши списки католикосовъ и архіепископовъ не полны и не безъ недостатковъ, но можно надѣяться, что будутъ скоро исправлены» (стр. 16). Этотъ трудъ, несмотря на крупныя недостатки, будетъ полезной справочной книгой; въ ней приводятся нѣсколько интересныхъ документовъ; въ концѣ списокъ абхасскихъ католикосовъ.

Книга писемъ *Գիրք թղթոց*. Тифлисъ 1901. — Книга представляетъ изъ себя сборникъ полемическихъ посланій армянскихъ іерарховъ къ сосѣднимъ духовнымъ лицамъ и ихъ отвѣты. Она является какъ бы оправдательнымъ документомъ для армянской церкви, и какъ таковой, конечно, не можетъ включать всей существовавшей полемики, а содержитъ въ себѣ только оправдательныя. Для грузинской церковной исторіи важны особенно стр. 110—194, такъ какъ въ нихъ имѣются тѣ письма, которыми обмѣнялось грузинское и армянское духовенство во время церковно-религіозныхъ споровъ, завершившихся раздѣленіемъ церквей. До изданія этой «Книги писемъ», на которую ссылается постоянно армянскій историкъ Ухтанесь, написавшій исторію этого раздѣленія, единственнымъ источникомъ было произведеніе этого автора. Теперь мы имѣемъ въ рукахъ первоисточники; издатели не дали себѣ труда сличить напечатанныя имъ письма съ приведенными у Ухтанеса отрывками и тѣмъ на половину обезцѣнили свою работу, такъ какъ дѣло возстановленія текста писемъ безъ такого сличенія совершенно невозможно и всю эту работу еще придется произвести.

Н. Марръ. *Древне-грузинскіе описцы* (XII в.). I. Пѣвецъ Давида Строителя. II. Пѣвецъ Тамары. Грузинскій текстъ изслѣд. изд. и снабженъ словаремъ (см. Тексты и розысканія по армяно-груз. филологіи, книга IV, 1902 г.).

Авторъ изучилъ и возстановилъ тексты двухъ самыхъ трудныхъ, но въ высшей степени интересныхъ авторовъ — грузинскихъ придворныхъ поэтовъ-одописцевъ. До послѣдняго времени эти произведенія были из-

даны съ такими искаженіями въ текстѣ, что во многихъ случаяхъ понять смыслъ стиховъ не было возможности; теперь, послѣ критическаго изданія Н. Марра, дѣло это получило надлежащее освѣщеніе. Авторъ изучаетъ сперва произведеніе Шавтели; онъ затрагиваетъ вопросъ о названіи оды, написанной Шавтели.

«Въ сущности правы ли мы, задаетъ г. Марръ вопросъ, когда для признанія въ поэмѣ произведенія Іоанна Шавтели ищемъ слово «Абдумнесія»? Это арабское слово рабъ Христа, по всей вѣроятности, есть прозвище, а не имя героя. Вспомнимъ, что герой произведенія Шоты Руставели также имѣетъ свое прозвище Вепхисъ Ткаосани — облаченный въ барсовую кожу, и знаменитая поэма только подъ этимъ названіемъ и известна, однако въ самой поэмѣ нѣтъ этого прозвища *en toutes lettres* (см. стр. 2). Достаточно, что изъ стиховъ поэта выступилъ образъ слуги Христа (*ibid.*). Затѣмъ Н. Марръ переходитъ къ возстановленію и исправленію текста оды.

«Возстановить вполнѣ, говоритъ авторъ, первоначальный текстъ, конечно, пока весьма трудно; особенно при полномъ отсутствіи хорошихъ и вообще древнихъ списковъ, но понять существенное, если не всѣ тонкости, возможно и послѣ исправленія главныхъ ошибокъ изданій. Пониманіе текста затрудняется искаженіями, касающимися какъ основныхъ архитектурныхъ линій, такъ богатыхъ подробностей, украшивающихъ эти линіи. Искаженія перваго характера сводятся къ пропускамъ, вставкамъ и перемѣщеніямъ» (см. стр. 3). При возстановленіи текста автору приходилось прибѣгать къ толкованіямъ.

Авторъ хорошо понимаетъ, что «при толкованіи подобныхъ сомнительныхъ мѣстъ осторожность представляется, конечно, основнымъ условіемъ, но во всякомъ случаѣ безъ подобной предварительной обработки тщетны остались бы всѣ усилія понять поэму, которая и помимо этого заключаетъ въ себѣ достаточно трудностей, какъ хвалебное произведеніе. Не всѣ безъ исключенія темныя мѣста были разрѣшены одинаково успѣшно. Однако количество неподдавшихся разбору стиховъ оказалось слишкомъ незначительнымъ, чтобы это могло мѣшать усвоенію содержанія поэмы (см. стр. 7). И дѣйствительно масса мѣстъ, прежде совершенно непонятныхъ и темныхъ, теперь стали понятными. Послѣ исправленія текста Н. Марръ переходитъ къ вопросу о предметѣ восхваленія оды.

«Замѣтимъ сейчасъ же, указываетъ онъ, что герой здѣсь въ прежнихъ изданіяхъ былъ разъ названъ, очевидно, по ошибкѣ переписчика, Тамарю. Дальнѣйшее прямое развитіе мысли автора и безъ того покажетъ, что тутъ восхваляется одно лицо, и что восхваленіямъ Тамары не удѣлено мѣста ни здѣсь, ни въ 11,1,1 и 53,3,4 стихахъ, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ, скажемъ кстати, въ этой поэмѣ единственныхъ, гдѣ упоминалась Тамара, оказалось возможнымъ возстановить безъ всякаго ущерба для размѣра имя настоящаго героя Давида, грузинскаго царя, которымъ открывается и заключается ода, ему всецѣло посвященная. Ниже будемъ

имѣть случай ознакомиться съ хвалебнымъ произведеніемъ, гдѣ заразъ воспѣваются Тамара и Давидъ, но мы тогда увидимъ, съ какимъ искусствомъ это тамъ дѣлается, какъ естествененъ и понятенъ переходъ отъ главнаго воспѣваемого лица къ второстепенному, и какъ величаніе вѣнценоснаго супруга Давида служить только къ вящшему прославленію супруги Тамары, героини поэта. Ничего подобнаго въ данномъ случаѣ нѣтъ. Одна Тамара равнымъ образомъ не можетъ быть героинею настоящей поэмы и въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ» (см. стр. 8).

«Правда, продолжаетъ авторъ изслѣдованія, въ такомъ случаѣ съ воспѣтымъ въ одѣ Давидомъ не придется отождествлять мужа Тамары, но такое отождествленіе и безъ того исключается при знакомствѣ съ содержаніемъ оды. Въ одѣ нѣтъ ничего, что понуждало бы насъ признать въ героѣ мужа Тамары. Напротивъ, при всей общности хвалебной характеристики героя, при всемъ отсутствіи ясныхъ и точныхъ указаній на отдѣльныя, вполне опредѣленные событія, ода все же не лишена нѣкоторыхъ намековъ на современность, и эти намеки направляютъ наши взоры въ сторону другого Давида — Давида Строителя († 1125)» (см. стр. 19). И авторъ приводитъ историческія данныя о Давидѣ Строителѣ и сравниваетъ съ той характеристикой, которая дается предмету воспѣванія оды.

«Когда не только по силѣ и храбрости сравнивается воспѣваемое лицо, то съ Самсономъ и Нимвродомъ, то съ Ростомомъ, Зааломъ и другими (Саамъ, Утрутъ) героями иранскаго эпоса, то съ Мосимахомъ когда не только по звучности голоса оно сравнивается съ Зевсомъ или Ростомомъ, но и по красотѣ и статности поэтъ сопоставляетъ его съ Иосифомъ, представителемъ мужской красоты, а не съ какою-либо красавицею, то не остается, говорить Н. Марръ, никакого основанія видѣть въ предметѣ пѣснопѣнія царичу Тамару» (стр. 9). «Въ многосторонней дѣятельности Давида Строителя походы, какъ замѣчаетъ авторъ, занимаютъ по количеству первое мѣсто; быстрота составляла отличительный характеръ его военныхъ дѣйствій» (ibid. стр. 21).

«Съ своей стороны одописецъ не только равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о многочисленности походовъ воспѣтаго имъ Давида, «выражая сомнѣніе, чтобы кто либо другой былъ въ силахъ вынести столько боевъ и войнъ», но даетъ ихъ тождественную характеристику; такъ Шавтели пишетъ: «въ dospѣхахъ и съ мечемъ, когтистымъ, подобно тигру, онъ (Давидъ) нападаетъ на враговъ, какъ молнія, точно съ неба»; «какъ громъ, какъ молнія, какъ бурный вѣтеръ, появлялся онъ (Давидъ) передъ безчисленными отрядами, и (въ ужасѣ враги) смыкали очи». «Ты», обращается далѣе поэтъ къ Давиду, «показываешь намъ зрѣлище, какъ народъ бойцовъ быстро располагается лагеремъ и также быстро снимается съ лагеря» (ibid. стр. 21).

Н. Марръ указываетъ также, что «герой оды восхваляется и за миссіонерскую дѣятельность. Поэтъ, обращаясь къ нему, говоритъ: «ты

сдѣлался воспитателемъ (воспріемникомъ) отроковъ. Вотъ, на зарѣ омы-
ваешь дѣтей купели». Герой провозглашается «купелью крещенія». Дру-
гой разъ еще яснѣе выражено, что герой обращаетъ въ христіанство
языческіе народы. Указывая на эту сторону дѣятельности Давида Стро-
ителя, его біографъ равнымъ образомъ восклицаетъ: «о, сколько языче-
скихъ племенъ онъ усыновилъ Божьей купели и далъ Христу воспри-
нять!» (ibid. стр. 20).

Равнымъ образомъ авторъ находитъ, что «одописецъ только нашего
Давида и могъ имѣть въ виду, когда своего героя изображаетъ охрани-
телемъ чистоты христіанства отъ всякаго лжеученія, между прочимъ и
обличителемъ мусульманства, и утвердителемъ постановленій семи все-
ленскихъ соборовъ, когда приписываетъ ему личное участіе въ дѣлѣ
общедоступнаго истолкованія сокровенныхъ мыслей св. Писанія и вообще
учительскую роль, когда находитъ въ немъ «бездну мудрости», «языкъ
ритора» и умѣніе говорить иносказательно-вразумительными притчами,
не уступающими Сираховымъ, когда прилагаетъ къ нему эпитетъ сджу-
лись мдебели законодатель и, наконецъ, его самого называетъ дзегли
сджулиса памятникъ закона, быть можетъ, съ намекомъ на тотъ кодексъ
каноновъ, который соборне былъ составленъ при немъ и извѣстенъ подъ
названіемъ дзеглисъ цера—писаніе памятника» (ibid. стр. 20).

«Извѣстно, говоритъ также авторъ, что Давидъ Строитель пекся о
чистотѣ христіанскаго ученія и вообще о внутреннемъ благоустройствѣ
Грузинской церкви. По его инициативѣ былъ созванъ въ Грузіи церков-
ный соборъ. Имъ давались нужныя средства на монастыри, какъ на разсад-
ники просвѣщенія. Дань уваженія къ особѣ Давида Строителя со стороны
армянскихъ духовныхъ лицъ въ значительной степени можно объяснять
его любовью къ назидательнымъ бесѣдамъ. Отъ Мухаммеда ал-Амави
знаемъ, что Давидъ обладалъ большими познаніями по исламу и часто
спорилъ съ ганджинскимъ кадїемъ о происхожденіи Корана. Съ своей
стороны грузинскій лѣтописецъ, сообщая о постоянныхъ книжныхъ за-
нятїяхъ Давида Строителя, свидѣтельствуетъ, что, когда глаза у царя
утомлялись отъ чтенія, то онъ слушалъ внимательно чтенія, допытывался
смысла, спрашивалъ его и «еще болѣе самъ истолковывалъ значеніе
и глубину» читаннаго» (ibid. стр. 19—20).

«Лѣтописецъ заноситъ въ біографію царя, говоритъ Н. Марръ, что
онъ обладалъ даромъ чтенія чужихъ мыслей, и потому въ его время
никакіе заговоры не предпринимались, такъ какъ всѣ знали, что отъ
главы государства не скроются никакія тайны. Одописецъ пишетъ: «ты
печью сдѣлался: тайныя соглядатаи изъ дальнихъ городовъ открыты»
(ibid. стр. 22).

«Даже орду дикихъ воинственныхъ кипчаковъ сумѣлъ онъ усмирить
и обратить въ преданную ему дружину. Кстати, поэтъ, по всей видимо-
сти, наемную дружину, набранную изъ кипчаковъ, и подразумѣваетъ,

когда говорить: «избранное войско, привыкшее къ подаркамъ, черезъ него сдѣлалось годнымъ на доброе дѣло» (ibid. стр. 22).

«Только признавая въ героѣ оды Давида Строителя, говоритъ авторъ изслѣдованія, мы можемъ понять тотъ стихъ поэта, гдѣ сказано, что героя поддерживаетъ Димитрій; поэтъ, очевидно, намекаетъ на помощь, которую находилъ Давидъ Строитель въ своемъ сынѣ Димитріи, прославляемомъ въ лѣтописяхъ, и въ родныхъ, и въ иностранныхъ за воинскую отвагу»...

Въ изображеніи одописца герой, солнце, воссѣдаетъ на «ворономъ» конѣ. По всей вѣроятности, «вороной конь» былъ любимцемъ грузинскаго царя, тою именно лошадыю, на которой привыкли его видѣть поданные въ торжественныя минуты или въ бою, и въ такомъ случаѣ Давида, воспѣтаго въ поэмѣ, трудно отождествить съ Давидомъ, мужемъ Тамары: парадной лошадыю послѣдняго былъ буланый конь (зердаги)» (ibid. стр. 23).

Таковы доводы и параллели, которыя приводятъ къ убѣжденію, что въ одѣ воспѣвается именно Давидъ Строитель. Содержаніе всей этой оды Н. Марръ передаетъ въ слѣдующемъ коротенькомъ резюме: «послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ стиховъ, говоритъ онъ, начавъ съ помазанія грузинскаго царя Давида, предмета пѣснопѣнія, на царство, при чемъ помазаніе связано искусно съ извѣстнымъ обѣтомъ, даннымъ Господомъ іудейскому царю Давиду объ его потомствѣ, поэтъ знакомитъ насъ съ славнымъ царствованіемъ воспѣваемаго монарха и даетъ ключъ къ разумнѣю воспѣваемаго величія въ 28-й строфѣ, гдѣ сообщается, что герой—воинъ и исповѣдникъ Христа. Затѣмъ, выставивъ его побѣдоноснымъ, окруживъ подобающимъ блескомъ и великолѣпіемъ, описавъ его дѣятельность въ придворной обстановкѣ, одописецъ рисуетъ героя, какъ прославленнаго радѣтеля христіанской земли и царственнаго подвижника, воодушевленнаго христіанской религіей, о возникновеніи которой разсказывается въ 89—93 строфахъ. Наконецъ, поэтъ предрекаетъ, что, какъ христіанскому герою, ему приготовлены чертоги въ небесномъ царствѣ. Словомъ, Шавтели въ этой поэмѣ воспѣлъ на гусяхъ псалмопѣвца слугу Христа (Абдумессію) Давида, грузинскаго царя.

Въ слѣдующихъ строфахъ одна основная пѣснь на разные лады, именно, раскаяніе пѣвца въ томъ, что онъ взялся за такой непосильный трудъ. Вплетенное сюда молитвенное обращеніе къ воспѣваемому царю съ пророческимъ намекомъ на будущее Грузіи по совершенству и естественной красотѣ формъ, по звучности ритма не имѣетъ себѣ равнаго въ грузинской поэзіи. Большою силою и выразительностью отличается и анаема «ослушникамъ трона» грузинскаго царя (ibid. стр. 13). По вопросу о личности и характерѣ поэзии Шавтели, автора оды, Н. Марръ указываетъ на преданіе, будто Шавтели былъ монахъ. «Это находить, говоритъ авторъ, нѣкоторую поддержку въ самомъ памятникѣ, надо полагать, источникъ преданія. Впрочемъ, «мцири да мхеми», какъ Шав-

тели называетъ себя въ 54, 4, 1 стихѣ, могъ бы означать странника и не духовнаго званія. Интересъ къ мірскимъ дѣламъ, а также самый родъ поэзіи изобличаютъ въ немъ человѣка, близко стоявшаго ко двору. Къ тому должны же были быть продолжительны и близки отношенія между воспѣтымъ и пѣвцомъ, чтобы часть разлуки произвелъ на послѣдняго тяжелое впечатлѣніе, какъ это передается въ одномъ изъ заключительныхъ стиховъ поэмы. Поэтъ въ одномъ мѣстѣ называетъ себя «рабомъ» воспѣваемаго лица, онъ считаетъ героя личнымъ своимъ господиномъ. Физиономія самаго писателя представляетъ въ грузинской литературѣ не мало интереса, какъ рѣдкій образчикъ двойственности. Шавтели не духовный писатель, безспорно, но и нельзя его считать свѣтскимъ наравнѣ съ Чахрухадзе или Руставели» (ibid. стр. 16).

Въ дальнѣйшей характеристикѣ автора поэмы Н. Марръ говоритъ, что и въ Шавтели духовно-образовательный элементъ сказался, правда, также не исключительно, но преимущественно; этотъ смѣшанный характеръ писателя отозвался на его трудѣ и сдѣлалъ изъ его произведенія то, что, свѣтское, по замыслу и по формѣ, оно по духу и выполнению является духовнымъ. Поэтъ хотѣлъ воспѣть грузинскаго царя, лицо свѣтское, живое, стяжавшее себѣ славу мудрымъ правленіемъ, отличавшееся также защитою своего народа отъ окружавшихъ его враговъ, и хвалебный родъ поэзіи, получившійся плодомъ его замысла, долженъ былъ оказаться одой чисто свѣтскаго характера; такую авторъ и признавалъ свою поэму, облекая ее въ особую стихотворную форму, чуждую грузинской духовной поэзіи; между тѣмъ произведеніе Шавтели мѣстами весьма близко напоминаетъ отрывокъ изъ похвальнаго слова какому-либо угоднику (ibid. стр. 16 — 17). По вопросу о времени литературной дѣятельности Шавтели Н. Марръ указываетъ, что «изъ того обстоятельства, что Руставели упоминаетъ о нашей одѣ, что отголоски вліянія звучныхъ стиховъ одописца вскрываются въ излюбленной грузинской поэмѣ, само собою вытекаетъ, что Шавтели если и современникъ Шоты Руставели, то современникъ старшій» (ibid., стр. 18); «въ сказавшемся на самомъ Руставели вліяніи плѣнительныхъ стиховъ Іоанна Шавтели, продолжаетъ авторъ, можно видѣть лишь невольное отраженіе давней начитанности Шоты Руставели, знакомства его съ одою Іоанна Шавтели еще въ юные годы. Съ другой стороны, господство въ одѣ, произведеніи свѣтскомъ, церковно-литературныхъ приемовъ и нормъ (греческія и армянскія слова) и непосредственный арабскій налетъ въ словарѣ одописца сразу приурочиваетъ памятникъ къ начальной порѣ зарожденія древне-грузинской свѣтской литературы и тѣмъ самымъ еще болѣе разлучаетъ автора его съ Шотою Руставели и его временемъ» (ibid. стр. 18).

Переходя къ произведенію Чахрухадзе, Н. Марръ указываетъ, что «однимъ издателемъ не была сдѣлана попытка не только возстановить первоначальный текстъ, но хотя бы болѣе или менѣе вѣрно разставить

знаки препинанія, слить по ошибкѣ раздвоенныя части одного слова, разнять такимъ же образомъ сплоченныя два слова» (стр. 29).

«По уясненіи смысла отдѣльныхъ мѣстъ, продолжаетъ авторъ, обнаружилось, что нерѣдко четверостишія перемѣшаны, и выяснилась необходимость возстановить ихъ порядокъ. Такъ, напримѣръ, начиная съ 59 строфы прежнихъ изданій теченіе мысли автора становилось непонятнымъ, коль скоро не возвращали 61 строфы къ ея мѣсту, именно между 63-й и 64-й строфами» (стр. 32).

Хотя по словамъ автора изслѣдованія и есть возможность отождествить съ изображеннымъ въ одѣ сраженіемъ событіе, извѣстное изъ Грузинскихъ лѣтописей, но до поры до времени онъ воздерживается отъ историческихъ толкованій. «Пока довольно и того, что мы убѣждаемся, говоритъ онъ, въ цѣльности и индивидуальности оды историческаго содержанія» (стр. 38).

Относительно композиціи, характера, времени и достоинства произведеній Хахрухадзе авторъ говоритъ слѣдующее: «Удачное объясненіе отдѣльныхъ мѣстъ и возстановленіе порядка четверостишія ставитъ произведеніе Чахрухадзе въ настоящемъ свѣтѣ, и только тогда открывается возможность уловить суть его, правда, мѣстами искусственныхъ, но всегда необыкновенно звучныхъ стиховъ. Оказывается, что мы имѣемъ дѣло не съ одной цѣльной одой, а собраніемъ мелкихъ стихотворныхъ произведеній, хвалебнаго содержанія, воспѣвающихъ Тамару или такъ или иначе связанныхъ съ ея именемъ, причемъ въ качествѣ введенія къ сборнику использовано вступленіе одной изъ болѣе пространныхъ одъ. Почти каждое изъ отдѣльныхъ стихотвореній снабжено собственнымъ вступленіемъ, болѣе того, всѣ они написаны по одному плану, а именно:

1) Вступленіе: а) обращеніе къ Богу или приглашеніе велерѣчивыхъ воспѣть Тамару, б) предметъ стиховъ автора.

2) Содержаніе.

3) Заключение, иногда славословіе, но большею частью, въ особенности при похвалахъ, заключеніе состоитъ изъ двухъ частей, послѣдовательность коихъ безразлична: а) поэтъ отказывается воспѣвать Тамару, б) ее не могутъ воспѣть никакіе мудрецы въ мірѣ» (ibid. стр. 38 — 9).

Какъ бы тамъ ни было, тотъ фактъ, что дошедшій до насъ съ именемъ Чахрухадзе памятникъ представляетъ сборникъ мелкихъ стихотвореній, почти исключительно одъ Тамарѣ, не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію. Внѣшнимъ образомъ особенность cadaго изъ этихъ стихотвореній — ихъ всего двѣнадцать — явствуетъ изъ общности основной рѣмы, выдѣляющей данное отдѣльное произведеніе; только въ заключеніи нѣкоторыхъ одъ пристегнута одна, другая строфа съ самостоятельной рѣмою, и въ такихъ заключительныхъ строфахъ замѣчается обыкновенно и размѣръ иной.

При взглядѣ на памятникъ, какъ на сборникъ отдѣльныхъ стихотво-

реній, становится яснымъ и то, почему объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ, при томъ иногда одно и тоже (стр. 45).

Уже цѣльность и законченность каждаго изъ нихъ говоритъ въ пользу того, что они писались въ разное время; содержаніе же отдѣльныхъ произведеній даетъ достаточно основанія, чтобы считать это мнѣніе вѣрнымъ. Въ нѣкоторыхъ одахъ Тамара воспѣвается поэтомъ за красоту съ такой свободой, что нельзя предположить при ихъ писаніи существованія Давида, какъ мужа воспѣваемой, напримѣръ, въ 38 — 50 строкахъ (V, 5 — 56), гдѣ говорится о силѣ ея красоты (стр. 46).

Мнѣніемъ супруга поэтъ не интересуется. По всей видимости, ода сочинена до супружества Тамары съ Давидомъ. Время написанія этой оды можно опредѣлить точнѣе на основаніи двухъ стиховъ 44-й строфы (V, 30—31) (стр. 46). Опираясь на нихъ, оду можно приурочить ко времени изгнанія перваго мужа, о которомъ поэтъ выражается въ презрительномъ тонѣ, называя его рамэ нѣчто (стр. 46). Удастся выяснитъ точнѣе и terminus ad quem написанія оды, такъ какъ, хотя, какъ было сказано, втораго мужа Тамары еще не было, но онъ уже былъ намѣченъ (стр. 47). Въ другихъ одахъ не упомянуть еще Георгій, но уже говорится о Давидѣ, причемъ въ одномъ стихотвореніи о немъ сказано въ такихъ словахъ, что сочиненіе этого стихотворенія надо отнести къ началу втораго замужества Тамары (стр. 47).

Достаточно указать на три періода, въ которые писались произведенія Чахрухадзе, дошедшія до насъ въ видѣ сборника: 1) время изгнанія перваго мужа Тамары, 2) второе замужество Тамары до рожденія Лаши (Георгія), 3) второе замужество Тамары съ рожденія Лаши. Сообразно съ этимъ дошедшій до насъ литературный памятникъ XII в. писанъ частью послѣ появленія Барсовой кожи, въ которой не упомянуть при удобномъ случаѣ, напр. въ 1634 четверостишіи, Лаша Георгій, частью одновременно съ нею или, можетъ быть, и раньше (стр. 47 — 8).

Есть всякое вѣроятіе, заявляетъ авторъ, что въ разобранномъ памятникѣ мы не имѣемъ не только вообще всѣхъ стихотвореній Чахрухадзе, но и всѣхъ одъ, которыя имъ были посвящены Тамарѣ. Мало вѣроятно, чтобы придворный поэтъ не откликнулся на такія событія, какъ вѣнчаніе Тамары съ Давидомъ, рожденіе Русуданы и т. п. Могла существовать ода и на вѣнчаніе съ первымъ мужемъ, русскимъ княземъ, или по случаю какого-либо торжества во время перваго супружества. Исчезновеніе подобной оды или подобныхъ одъ изъ обращенія, пожалуй, при жизни самого поэта, весьма понятно: ода съ стихами, посвященными позорно изгнанному мужу Тамары, не могла уже быть терпима въ придворныхъ кругахъ, гдѣ, очевидно, возникъ нашъ сборникъ (стр. 48).

Конечно, прелесть одъ Тамарѣ, говоритъ Н. Марръ о достоинствѣ произведеній Чахрухадзе, — въ ихъ необыкновенно художественной формѣ, въ естественной точности рѣчи, въ чарующей музыкальности стиховъ и богатствѣ роскошныхъ рیمъ, всегда безукоризненныхъ, часто

безподобныхъ по виртуозности, заставляющей забывать неизбежную иногда искусственность. Правда также, что въ нихъ нѣтъ глубокаго содержанія, которое могло бы приковывать къ себѣ вниманіе новизною или глубиною мыслей. И тѣмъ не менѣе значеніе этихъ одъ именно въ ихъ содержаніи. Въ нихъ мы имѣемъ единственный въ своемъ родѣ источникъ для изученія своеобразной грузинской культуры XII вѣка. Въ культурно-историческомъ отношеніи источникъ этотъ важенъ не только свѣдѣніями о литературныхъ фактахъ, въ немъ одномъ имѣющихся, но и общимъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ его чтенія въ пользу изысканной и разносторонней образованности грузинскаго общества XII-го вѣка, для развлеченія котораго писались эти оды. Болѣе того, въ одахъ сохранился памятникъ громаднaго значенія въ исторіи развитія грузинской государственной мысли. Стихотворенія, конечно, сочинялись для воспѣванія личности царицы, но личное воспѣваніе сильно проникнуто яркими вспышками торжествующаго патріотизма. Это не есть однако надуманный, тенденціозный патріотизмъ, вкладъ частныхъ соображеній одописца или солидарнаго съ нимъ кружка людей: вся эпоха, когда жилъ поэтъ, представляетъ высшее жизненное развитіе грузинской національной государственности и военной славы, и онъ невольно передаетъ современное настроеніе передоваго грузинскаго общества, не представлявшаго отрѣзанной отъ народныхъ слоевъ касты. Предметъ пѣснопѣній — прекрасная вѣнценосная грузинка XII вѣка (стр. 48 — 9).

Переходя къ вопросу объ авторѣ одъ Тamarѣ, Н. Марръ указываетъ на мнѣніе Brosset, который думалъ, «что эти гимны красотѣ царицы, написанные Шотою, мы имѣемъ въ памятникѣ, дошедшемъ до насъ съ именемъ Чахрухадзе: онъ предполагалъ, что авторъ его Шота Руставели, а не Чахрухадзе» (стр. 59). «Къ мысли Brosset приходится—говорить авторъ, указывающій много сходствъ въ произведеніи Барсовой кожи—и одахъ и теперь, по близкомъ и подробномъ изученіи одъ Тamarы, возвращаться, какъ къ наиболѣе вѣроятному рѣшенію обсуждаемаго вопроса, если исключить второстепенный вопросъ о фамилии Чахрухадзе» (стр. 59).

Остается формулировать положенія настоящаго изслѣдованія. Ихъ числомъ всего пять: 1) Памятникъ, извѣстный подъ названіемъ Тamarіани и дошедшій до насъ съ именемъ Чахрухадзе, есть сборникъ мелкихъ стихотвореній съ болѣе или менѣе значительными вставками и повтореніями въ различныхъ частяхъ, а не одно цѣльное произведеніе. 2) Стихотворенія эти представляютъ одиннадцать одъ Тamarѣ, одну элегію о влюбленномъ поэтовитязѣ, повидимому, также заключающую косвенную похвалу грузинской царицы, и одно подложное стихотвореніе, отвѣтъ на элегію. 3) Оды Тamarѣ написаны въ разное время, каждая изъ нихъ по особому случаю, приблизительно въ трехлѣтній промежутокъ между изгнаніемъ перваго мужа (1192 г.) и рожденіемъ Русуданы (1195). 4) Авторъ одъ, вѣроятно, — Шота Руставели; «Чахрухадзе», если упоминаніе его основано на вѣр-

номъ преданіи, есть фамилія Шоты Руставели. 5) Но кому бы оды не принадлежали, онѣ представляютъ замѣчательный памятникъ во всей грузинской литературѣ по самобытности и яркому отраженію въ нихъ культурно политическаго облика Грузіи конца XII вѣка и въ этомъ отношеніи стоятъ неизмѣримо выше Барсовой кожи (стр. 75—6). Въ изслѣдованіи имѣются еще главы о Слогѣ одописцевъ (III), гдѣ собрана масса цѣнныхъ указаній лингвистическихъ и стилистическихъ, разночтенія (IV) и Ключъ къ одамъ Тмарѣ (V). Напечатанный, исправленный текстъ оды Шавтели и Чахрухадзе занимаетъ 140 стр. Въ концѣ приложенъ словарь: I) архаическихъ и рѣдкихъ словъ, II) заимствованныхъ и III) собственныхъ именъ.

Н. Марръ. *Физиологъ, армяно-грузинскій изводъ* (см. Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи. Книга IV, 1904 г.).—Книга содержитъ изслѣдованіе относительно Физиолога, которое заключаетъ въ себѣ: о литературѣ и спискахъ армянскаго Физиолога, описаніе древнѣйшаго армянскаго списка Хорешанскаго, его палеографическая характеристика, о грузинскомъ текстѣ, палеографическая характеристика Шатбердскаго списка (вульгаризмы, діалектическія явленія, пробѣлы, искаженія и описки), составъ Физиолога по армяно-грузинскому изводу, порядокъ главъ по армяно-грузинскому изводу, составъ, порядокъ и чтеніе греческаго списка π, грецизмы, граматическіе арменизмы въ грузинскомъ текстѣ, лексическіе арменизмы въ грузинскомъ текстѣ (общія исконныя армяно-грузинскія слова, общія иранскія армяно-грузинскія слова, армянскія слова устно заимствованныя, объ особенностяхъ армянскихъ словъ, вошедшихъ въ грузинскій текстъ, собственные имена въ армянской формѣ, списокъ армянскихъ словъ грузинскаго текста Физиолога), арменизмы въ построеніи грузинскихъ словъ, о разночтеніяхъ армянскаго текста въ зависимости непосредственно отъ греческаго подлинника, зависимость грузинскихъ разночтеній отъ армянскаго текста, о возможныхъ случаяхъ вторичнаго вліянія греческаго подлинника непосредственно на грузинскій и армянскій тексты, архаизмы въ армянскомъ текстѣ, архаизмы въ грузинскомъ текстѣ, о времени грузинскаго и армянскаго перевода Физиолога.—Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «грузинскій текстъ Физиолога есть переводъ съ армянскаго, переведеннаго съ греческаго... Армянское происхожденіе грузинскаго Физиолога устанавливаетъ, говоритъ авторъ изслѣдованія, какъ фактъ, слѣдующія данныя: зависимость ряда характерныхъ грузинскихъ разночтеній отъ армянскаго текста и вліяніе армянскаго языка на слогъ грузина-переводчика, именно присутствіе армянскихъ словъ въ грузинскомъ текстѣ, армянское вліяніе даже въ заимствованныхъ греческихъ словахъ и греческихъ названіяхъ «звѣрей»; теперь очевидно, что съ этимъ фактомъ и находится въ связи тождество армянскихъ и грузинскихъ текстовъ въ реестрѣ статей Физиолога и порядкѣ ихъ расположенія»... «Время переводовъ армянскаго и грузинскаго текстовъ, по словамъ

Н. Марра, можно установить лишь приблизительно» (стр. XLVII). О грузинскомъ переводѣ еще съ увѣренностью можно сказать лишь одно: онъ сдѣланъ за много лѣтъ до второй половины X-го вѣка, времени возникновенія Шатвердскаго списка Физиолога... Архаизмы языка также указываютъ ясно на время, отдаленное отъ X-го вѣка. Однако грузинскій Физиологъ черезъ армянскій текстъ восходитъ прямо къ греческому памятнику, а не къ сирійской верси, и это не говоритъ въ пользу того, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ начальной эпохи грузинской литературы. Кромѣ того грузинскій текстъ не представляетъ перевода, сдѣланнаго тотчасъ по появленіи памятника на армянскомъ языкѣ... Лишь съ нѣкоторой вѣроятностью можно указать въ настоящій моментъ на то время и мѣсто, которыя подходили бы къ возрасту и родинѣ грузинскаго перевода Физиолога... Время—конецъ VIII-го и начало IX-го вѣка, а мѣсто—Кларджетія (стр. XLIII); относительно порядка главъ грузинскаго и армянскаго текстовъ Физиолога Н. Марръ говоритъ, что «на греческомъ языкѣ не сохранились списки, слѣдующіе порядку статей армяно-грузинскаго извода. Даже особенно интересный для насъ греческій списокъ π, указываетъ авторъ, держится иного порядка, но это не значитъ, что порядокъ армяно-грузинскаго извода не восходитъ къ греческому прототипу» (стр. XXVIII). — Грузинскій текстъ заглавнымъ церковнымъ шрифтомъ напечатанъ рядомъ съ армянскимъ, потомъ слѣдуетъ русскій переводъ съ интерпретаціей.

Д. Павліашвили. *Обычай Хевсуровъ.* (დ. ჰავლიაშვილი, ხევისურთა ჩხვირუაობა). Въ грузинской газетѣ «ცნობ. ოქცნ.» 1904 г., 4 ноября, № 2660. — Авторъ описываетъ одинъ весьма оригинальный и интересный обычай, извѣстный у грузинскаго племени хевсуровъ и представляющій изъ себя совершеніе погребальнаго обряда, собственно говоря, заупокойной поминальной трапезы еще при жизни. Этотъ обычай, по словамъ автора, уже начинаетъ исчезать, но еще въ прошлое лѣто въ сел. Тчіз крестьянка Самдзимара Арабули устроила свои похороны, т. е. поминальную трапезу, для чего она приготовила 12 котловъ пива, столько же водки, 6½ пудовъ мучной каши на маслѣ («хавитци» ხავიტცი), заколола 9 — 10 коровъ и призвала своихъ близкихъ. Къ трапезѣ были приглашены и туземные священнослужители («деканози» и хевистъ бери ხევისბერი, დეკანოზი). Самдзимара Арабули поставили въ серединѣ и окружили 12 чанами, наполненными пивомъ, причемъ къ каждому чану были прикрѣплены по семи восковыхъ свѣчъ; послѣ этого «деканозы» начали молитву, которую авторъ и приводитъ цѣликомъ. Эта молитва очень интересна и представляетъ характерную смѣсь изъ различныхъ церковныхъ молитвъ: тутъ имѣется нѣчто въ родѣ и изложенія библейской исторіи и Евангелія, и начало символа вѣры и отче нашъ, но все настолько путанно и въ перемѣшку и съ такими искаженіями, что производитъ совершенно своеобразное впечатлѣніе и весьма интересно для изученія религіозныхъ представленій хевсуровъ. Послѣ молитвы началась попойка и про-

возглашеніе тостовъ за здравіе, приче́мъ сначала пили за здоровье Самдзимара Арабули и высказали мысль, что устроенная ею поминальная трапеза избавитъ ее отъ отвѣтственности за грѣхи на томъ свѣтѣ. Послѣ тостовъ начинается пѣніе и игра на «пандури»; авторъ описанія приводитъ одинъ образчикъ стиховъ. По окончаніи попойки каждый гость уходитъ домой, унося съ собой $\frac{1}{2}$ литр. масла и по одному кругу сыра. Таковъ описанный г. Павліашвили интересный хевсурскій обычай.

Aurelio Palmieri. *Le versioni Georgiane della Bibbia.* Estratto dal Bessarione. Pubblicaz period. di Studi Orientali. Roma, 1903.—Послѣ двухъ вступительныхъ страницъ, гдѣ авторъ говоритъ о Грузіи и о томъ, какъ мало она изучена, о мнѣніи Цагарели, какъ трудно, даже невозможно, при современномъ состояніи изученія источниковъ написать «научнообразный очеркъ исторіи» грузинской литературы и перечисляетъ всѣхъ тѣхъ, которые трудились надъ изданіемъ важныхъ памятниковъ грузинской письменности, онъ переходитъ къ описанію древнѣйшихъ кодексовъ, къ исторіи ихъ переводовъ и біографіи переводчиковъ, къ выясненію вопроса, съ какого языка они были сдѣланы, и, наконецъ, говоритъ относительно перваго изданія грузинской Библии. Вначалѣ онъ сообщаетъ о Ксанскомъ Евангеліи, которое Бакрадзе относилъ къ VI вѣку, затѣмъ о Синайской Псалтыри на папирусѣ VII—VIII в.; затѣмъ рѣчь идетъ о рукописныхъ богатствахъ X в. Иверскаго афонскаго монастыря и прежде всего о рукоп. 978 года, содержащей въ себѣ грузинскій текстъ Библии; авторъ передаетъ все, что извѣстно объ этомъ памятникѣ и о спискахъ съ него; авторъ излагаетъ по изслѣдованію пр. Цагарели. Потомъ о Пальміери переходитъ къ рукоп. Библии Мцхетскаго Собора, хранящейся въ церковномъ музеѣ; рукопись безъ начала и конца и никакихъ данныхъ ни относительно оригинала, ни переписчика не имѣется. Авторъ сообщаетъ предположеніе г. Хаханова, что Лазарь, упомянутый на стр. 562, есть знаменитый каллиграфъ XIII—XIV вв. О. Пальміери упоминаетъ также списокъ Евангелія Луки и Иоанна, сдѣланный извѣстнымъ каллиграфомъ Иоанномъ на Синаѣ. Затѣмъ говорится о Джручскомъ Евангеліи 936 года, объ иверскомъ, какъ его называетъ Пальміери, вѣрнѣе униійскомъ Евангеліи 913 года, свѣдѣнія Н. Марра о которомъ видимо остались ему неизвѣстными, пархальскомъ — 973 года и тбетскомъ — 995 года. Послѣ этого онъ кратко говоритъ о спискахъ XI—XII вв. и книжныхъ сокровищахъ Гелатскаго монастыря. Вся работа компилятивнаго характера, но, какъ справочная книга для иностранныхъ ученыхъ, знающихъ италіанскій языкъ, будетъ полезна.

P. Aurelio Palmieri. *La chiesa georgiana e le sue origini.* Addizioni. Estratto dal Bessarione, Public. period. di Studi Orientali. Anno VIII, Ser. 2a, vol. VI, fasc. 76 e 77, Roma 1904. — Данная статья представляетъ изъ себя приложение къ предыдущимъ статьямъ автора о грузинской церкви въ начальный періодъ; въ этомъ приложеніи приводятся всѣ источники, повѣтствующие объ обращеніи Иберіи въ христіанство: 1) Источники ви-

зантійскіе, гдѣ авторомъ указаны нѣкоторые новые источники, раньше непривлекавшіеся, которые ничего существенно новаго не даютъ; затѣмъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о распространеніи христіанства въ Абхазіи, Лазикѣ и Колхидѣ. 2) Арабскіе источники; здѣсь о. Пальміери печатаетъ на арабскомъ съ итальянскимъ переводомъ синаксарное житіе св. Тео-гносты, подѣ каковымъ именемъ извѣстна просвѣтительница Грузіи въ коптскихъ и эіопскихъ источникахъ, какъ это доказалъ г. О. Леммъ. Печатаемое о. Пальміери синаксарное житіе взято изъ рукоп. коптскаго монастыря въ Каирѣ.

Памятники народнаго творчества Кутаисской губерніи. (См. Сборникъ мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XXXIII, отд. 3 стр. 1—65).—Содержитъ въ себѣ мингрельскую сказку «яблочный великанъ» и 2 имеретинскія сказки «Погоня за счастьемъ» и «Бойкій солдатъ»; подѣ этими произведеніями подписывается преподаватель Кутаисской мужской гимназіи М. Машурко. Затѣмъ слѣдуютъ 9 имеретинскихъ сказокъ: Бѣднякъ и три «деви», Хвтисаваръ, Райская роза, Царевичъ и волкъ, Царевичъ-вѣщунъ, Амиранъ, Дѣвушка-красавица и царевичъ, Роза и Проказы лисы; подѣ этими сказками подписывается инспекторъ Бакинской гимназіи М. Глушаковъ. Всѣ эти образцы грузинскаго народнаго творчества приведены не въ подлинникѣ, на грузинскомъ, а въ русскомъ переводѣ, а быть можетъ и пересказѣ, такъ какъ при отсутствіи оригинала невозможно судить о точности перевода. Далѣе поражаетъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было указаній: гдѣ, въ какой деревнѣ и отъ кого записаны эти сказки, кѣмъ именно, самими Мурашко и Глушаковымъ, фамиліи которыхъ лаконично подписаны подѣ напечатанными переводами или пересказами, или учениками, какъ это иногда дѣлается учителями въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа. При такомъ отсутствіи самыхъ важныхъ, основныхъ указаній цѣнность напечатанныхъ матеріаловъ и заслуга гг. Мурашко и Глушакова значительно падаетъ.

Louis Petit. *Typikon de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos (Bač'kovo) en Bulgarie* (Приложеніе № 1 къ XI тому «Визант. Временника», 1904 г.). — Авторъ въ своемъ Введеніи указываетъ сколько труда и ухищреній пришлось потратить ему, пока удалось отыскать списокъ греческаго оригинала типика грузинскаго петридзонійскаго монастыря, подлинникъ котораго такъ ревностно скрывается греками; изданный еще 1888 году новогреческій переводъ этого памятника оказался напечатаннымъ умышленно въ дефектномъ видѣ, чтобы избѣжать обнаруженія пункта устава, по которому ни одинъ монахъ греческаго происхожденія не долженъ былъ быть принимаемъ въ обитель. Грузинскій петридзонійскій монастырь основанъ Григоріемъ Пакурианосомъ, котораго Анна Комнина считаетъ армянскаго происхожденія, между тѣмъ какъ самъ Григорій причисляетъ себя къ Грузинамъ; онъ былъ сыномъ Пакуриана и братомъ Апасіуса. Г. Petit на стр. VI—XI выясняетъ біографическія данныя ктitora петридзонійскаго монастыря, его постепенное

возвышеніе и щедрыя милости, которыми осыпалъ его византійскій императоръ Михаилъ Дука; въ числѣ владѣній, подаренныхъ Григорію императоромъ, были и Петричъ и дер. Стенимахосъ. Далѣе авторъ описываетъ современное положеніе данной мѣстности и петридзонійскаго монастыря, который основанъ въ 1083 году великимъ domestikомъ Запада Григоріемъ Пакуріаносомъ. Въ этомъ громадномъ монастырскомъ зданіи имѣются построенныя ктиторомъ три церкви, одна изъ нихъ во имя Успенія Богородицы (Assomption), которая сохранилась до нашихъ дней, другая—во имя Іоанна Предтечи, третья—во имя Георгія Побѣдоносца. Уставъ, данный своему монастырю Григоріемъ, какъ совершенно правильно замѣчаетъ г. Petit, заключаетъ въ себѣ одну характерную черту: это именно параграфъ, по которому ни одинъ грекъ-монахъ не могъ быть допущенъ въ обитель; исключеніе было сдѣлано только для писца монастырскаго, какъ знающаго государственный языкъ. Ктиторъ самъ поясняетъ, чѣмъ была вызвана такая исключительная мѣра по отношенію къ грекамъ; Григорій говоритъ, что они насильники, сутяжники и любостыжатели, какъ только попадутъ въ монастырь, тотчасъ стараются захватить въ свои руки всю обитель подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Между тѣмъ монастырь былъ основанъ Григоріемъ съ исключительной цѣлью для монаховъ, знающихъ грузинскій языкъ и письменность, т. е. для лицъ грузинскаго происхожденія и изъ другихъ народностей, для владѣющихъ грузинскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, монастырь долженъ былъ быть по мысли ктитора опредѣленнаго націоналистическаго направленія. Изъ остальныхъ особенностей типика этой обители, изъ которой вышелъ знаменитый грузинскій философъ Іоаннъ Петритци, обращаетъ на себя, по справедливому замѣчанію г. Р., основаніе при обители монастырской школы, гдѣ должны были получать соотвѣтствующее образованіе лица, подготовляющіяся къ священническому сану; это своего рода духовная семинарія. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить исключительную филантропическую тенденцію ктитора: онъ основалъ въ монастырѣ убѣжище для престарѣлыхъ и три страннопріимныхъ дома, гдѣ могли найти радушный пріютъ паломники и бѣдный людъ. Въ остальномъ, по мнѣнію г. Petit, типикъ петридзонійскаго монастыря воспроизводитъ уставъ монастырскій Панагіи въ Константинополѣ. Послѣ Введенія (XXXII стр.) г. Petit напечаталъ греческій текстъ типика, занимающій 57 стр., и два указателя. Въ концѣ типика реестръ монастырскаго имущества. Теперь у грузиновѣдовъ имѣется въ распоряженіи уставъ и этого знаменитаго монастыря, что вмѣстѣ съ типиками-конспектами афонскаго, шатбердскаго, уставами шюгвимскаго и ваханскаго монастырей и массой инвентарей монастырской собственности составляетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи организаци и хозяйственной дѣятельности грузинскихъ обителей.

Н. Рамишвили. *Грузинская женщина съ нѣмецкомъ драматическомъ искусствѣмъ.* (ივ. რამიშვილი, ქართველი ქალი გერმანულ დრამატული ხელოვნებაში).

«Цинобистъ Пурцели» 1904 г. 29 окт. — Авторъ констатируетъ никѣмъ еще не указанный фактъ, что мученическая кончина царицы Кетеваны послужила темой для драматическаго произведенія Андрея Графіуса (1616—1664), извѣстнаго подъ заглавіемъ «Catharina von Georgien, oder bewehrte Beständigkeit». Драма написана въ 1647 году и рисуетъ, какъ царица Кетевана мужественно предпочитаетъ мученическую кончину исполненію страстныхъ вождѣній шаха Аббаса и пзмѣнѣ христіанству.

Th. Sakhokia. *Les proverbes géorgiens* (Extrait de la Revue des Traditions Populaires) Paris, 1903. — Въ предисловіи къ своему переводу грузинскихъ пословицъ г. Сахокія говоритъ, что ему хотѣлось познакомить французскую публику съ вѣковой мудростью и моралью грузинскаго народа; авторъ сѣтуетъ на то, что европейцы мало знакомы съ грузинскимъ фольклъ-лѣромъ, особенно съ пословицами; по его мнѣнію, всѣхъ пословицъ разбросанныхъ въ различныхъ грузинскихъ періодическихъ изданіяхъ набралось уже свыше 7000. Переводчикъ сообщаетъ, что онъ большей частью старался переводить общія у всѣхъ народовъ пословицы, выражающія моральныя идеи и неоспоримыя истины, и выдѣлялъ или не переводилъ оригинальныя изъ нихъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ тѣмъ или другимъ историческимъ событіямъ, тѣмъ или другимъ мѣстнымъ обычаямъ. Г. Сахокія избѣгалъ, по его словамъ, перевода таковыхъ потому, что для нихъ необходимы были многочисленныя примѣчанія и разъясненія, которыя увеличивали-бы размѣры статьи. Это обстоятельство нельзя не поставить въ вину г. Сахокія, такъ какъ съ точки зрѣнія народной психологіи и фольклора интересны, конечно, прежде всего не тѣ общія всѣмъ народамъ пословицы, туземное происхожденіе которыхъ всегда можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, а оригинальныя пословицы; вѣдь онѣ только рисуютъ особенности народнаго характера и мудрости, показываютъ, какъ реагируетъ народъ на историческія условія и событія; изученіе подобныхъ пословицъ и важно и интересно для всякаго, желающаго проникнуть въ психику грузинскаго народа, и боязнь увеличить размѣры статьи не должна была остановить передъ этой задачей г. Сахокія. Авторъ совершенно правильно указываетъ существенные недостатки современныхъ груз. изданій пословицъ, гдѣ онѣ расположены по алфавиту, а не по содержанию; въ своей статьѣ г. Сахокія переводитъ свыше 800 пословицъ, половина изъ которыхъ собрана имъ самимъ и еще нигдѣ даже по грузински не обнародована; объ этомъ тоже нельзя не пожалѣть, такъ какъ для лучшаго изученія необходимо обнародованіе пословицъ въ оригиналѣ. Переводъ пословицъ занимаетъ 32 страницы.

В. В. Сокольскій. *Греко-римское право въ уложеніи грузинскаго царя Вахтанга VI.* (Журн. Мин. Нар. Прос. 1897, сентябрь, стр. 56—93). — Авторъ передаетъ послѣдовательно высказанное специалистами мнѣніе, и прежде всего Броссе, который предполагалъ, что «сборникъ греческихъ законовъ, заключающихся въ Вахтанговомъ уложеніи, не что иное, какъ синопсисъ Василиска, составленный, по принятому Броссе мнѣнію Лебо, сыномъ

Константина VI, Романомъ, затѣмъ—барона Розенкампа, который, считаетъ находящіеся въ грузинскомъ уложеніи греческіе законы однимъ изъ прохироновъ, составленныхъ въ царствованіе Василія Македонянина, Леона (то есть Льва Мудраго) и сыновей его». Проф. Чубиновъ же полагалъ, что «источниками греческихъ законовъ грузинскаго уложенія были шестикнижіе Арменопула и Властаревое алфавитное собраніе, т. е. синтагма Матвѣя Властаря. Исходя изъ высказаннаго Чубиновымъ мнѣнія, Августъ Эгельманъ устанавливаетъ слѣдующій взглядъ на источники греческихъ законовъ Вахтангова сборника: . . . «съ шестикнижіемъ Арменопула означенный отдѣлъ Вахтангова свода дѣйствительно имѣетъ много общаго и однимъ изъ источниковъ былъ, безъ сомнѣнія, и Арменопуль. Но столько же несомнѣнно. . . . что составители греческаго отдѣла грузинскаго свода законовъ пользовались еще другими греко-римскими источниками». Геймбахъ, наконецъ, въ своей исторіи греко-римскаго права повторяетъ высказанное о грузинскомъ уложеніи Броссе и Розенкампомъ мнѣніе.

«Переходя къ оцѣнкѣ только что приведенныхъ мнѣній, пишетъ далѣе г. Сокольскій, мы находимъ, что, при современномъ положеніи науки, первыя два мнѣнія, то есть, Броссе и Розенкампа, не выдерживаютъ критики. Когда писали эти ученые, наука не могла разобраться въ вопросѣ о прохиронахъ, изданныхъ царями македонской династіи. Въ настоящее время твердо установлено, что такихъ прохироновъ было всего два—одинъ Василія Македонянина и *repetita praelectio* этого прохирона, такъ наз. эпавагога. Ни прохиронъ, ни эпавагога ничего общаго съ греч. законами Льва и Константина не имѣютъ, въ особенности по отношенію къ системѣ, въ которой расположены тамъ и тутъ отдѣльныя правоположенія. . . . Затѣмъ, даже поверхностное знакомство съ неизданными еще во времена Розенкампа и Броссе, но опубликованными теперь синописами Василискъ, какъ съ большимъ, такъ и съ малымъ, убѣждаетъ, что эти сборники не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ сборнику греческихъ законовъ у Вахтанга. Мнѣнія Чубинова и Эгельмана имѣютъ многое за себя. Заимствованія изъ Арменопула и Матвѣя Властаря несомнѣнны. Они бросаются въ глаза при первомъ знакомствѣ съ греч. законами груз. изложенія. Но ни Чубиновъ, ни Эгельманъ не задавались подробнымъ изслѣдованіемъ этихъ законовъ и ихъ детальнымъ сравненіемъ съ шестикнижіемъ Арменопула и синтагмой Властаря. . . . По тщательномъ детальномъ изученіи греч. законовъ сборника Вахтанга VI и сличеніи ихъ съ Арменопуломъ и Властаремъ, мы пришли, говоритъ авторъ, къ слѣдующимъ выводамъ. 1) Греческіе законы грузинскаго уложенія не только заимствовали въ значительной степени свои положенія изъ Властаря, но они суть не что иное, какъ сокращеніе (стр. 58) синтагмы Властаря, пополненное изъ Арменопула и др. источниковъ. 2) Сокращеніе это составлено не въ Грузіи, а въ самой Греціи, на что указываетъ распредѣленіе матеріала въ порядкѣ греческаго алфавита.

3) Сокращеніе это, или подобное ему, было весьма распространено въ Московской Руси... Замѣтимъ далѣе, продолжаетъ г. Сокольскій, что по установленному для памятниковъ византійскаго права знаменитымъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь способу обозначенія, сборникъ нашъ можетъ быть названъ: «*Epitome Syntagmatis Matthaei Blastaris ad Hexabiblum Harnepopuli mutati*». Наконецъ, тщательное изученіе Вахтангова сборника законовъ привело насъ къ убѣжденію, что греко-римское право содержится не только въ томъ отдѣлѣ, который обозначенъ, какъ «законы греческіе», но и въ отдѣлѣ, отмѣченномъ, какъ «законы армянскіе». Дѣло въ томъ, что содержаніе перваго отдѣленія такъ наз. армянскихъ законовъ Вахтангова кодекса, а именно первыхъ 150 статей, заимствовано изъ греко-римскаго права древнѣйшей формаций. Эти первые 150 статей, равно какъ и введеніе къ нимъ (начиная со словъ: «Законъ благій и истинный»...) являются ничѣмъ инымъ какъ армянскою редакціей составленнаго на Востокѣ, приблизительно въ концѣ V столѣтія нашей эры, въ царствованіе имп. Василиска, сборника римскихъ законовъ. Сборникъ этотъ дошелъ до насъ въ трехъ редакціяхъ: сирійской, арабской и армянской.... въ 1880 году появилось великолѣпное изданіе сборника во всѣхъ трехъ редакціяхъ, благодаря совмѣстному труду берлинскихъ проф. Бруна и Захау, подъ заглавіемъ: «*Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert*».... Сличеніе армянской редакціи этого сборника съ первымъ отдѣленіемъ армянскихъ законовъ груз. кодекса (стр. 59) и привело насъ къ убѣжденію, что первые 150 статей армянскихъ законовъ Вахтангова уложенія суть ничто иное, какъ переводъ армянской редакціи сирійско-римскаго юридическаго сборника. Самъ составитель сборника армянскихъ законовъ противопоставилъ эти 150 статей остальной части сборника, выдѣливъ ихъ, какъ нѣчто особое, иное, несхожее съ остальнымъ армянскимъ правомъ. Въ концѣ 150 статьи, въ нѣкоторыхъ груз. спискахъ читаемъ: «Книга законовъ первая одна»... то есть здѣсь кончается первая книга сборника арм. законовъ, самостоятельная, независимая отъ второй; а въ списокѣ Цулукидзе 151-й статьѣ предпосланъ заголовокъ: «Книга вторая армянскихъ законовъ, которыми судили первые арм. цари». Значить законами, содержащимися въ первой книгѣ, древніе арм. цари не судили, законы эти иноземнаго происхожденія, они принесены въ Арменію извнѣ. Полученные въ свою очередь изъ Эчміадзина царемъ Вахтангомъ VI, они переведены были вмѣстѣ съ узаконеніями древнихъ арм. царей на груз. языкѣ, и, такимъ образомъ, получилась четвертая грузин. редакція сирійско-римскаго юридическаго сборника» (стр. 60).

Г. Сокольскій, самъ того не сознавая, своей данной работой сильно подвинулъ впередъ вопросъ изученія состава арм. юридическаго сборника Мхитаря Гоша. «Переходя, затѣмъ, говоритъ авторъ статьи, къ опредѣленію времени возникновенія нашего сборника и той цѣли, для которой онъ былъ составленъ, мы, прежде всего, должны обратить внима-

ніе на находящееся въ предисловіи къ Моисеевымъ законамъ Вахтангова сборника и приведенныя уже нами выше указанія на «доставленные по убѣжденію его (т. е. Вахтанга) четырьмя патріархами греческимъ законы, по коимъ производимъ былъ въ Греціи судъ во время тамошнихъ императоровъ и кои переведены искусными людьми на груз. языкъ при особомъ въ томъ содѣйствіи его (т. е. Вахтанга) самого» Все, что хотѣлъ сказать составитель предисловія къ Моисеевымъ законамъ, это то, что въ сборникѣ законовъ, присланномъ патріархами Вахтангу, находятся противоположенія, установленныя и примѣнявшіяся въ судахъ еще до паденія восточно-римской имперіи. И дѣйствительно. . . . нашъ сборникъ является компиляціей изъ синтагмы Властара и шестикнижія Арменопула, главнѣйшихъ сборниковъ греко-римскаго права, примѣнявшихся въ позднѣйшее византійское время, первый въ духовныхъ, а второй—въ свѣтскихъ судахъ» (стр. 78). Такимъ образомъ, вліяніе византійскаго права на право другихъ православныхъ странъ послѣ завоеванія турками Константинополя не прекратилось. Напротивъ того можно сказать, что оно въ извѣстной степени усилилось (стр. 82). Правда степень усиленія греко-римскаго права въ православныхъ странахъ Востока, съ ихъ въ высшей степени оригинальнымъ строемъ и оригинальными воззрѣніями на право и значеніе закона, опредѣлить весьма трудно. Иллюстраціей только-что высказаннаго положенія могутъ служить слѣдующія мѣста изъ общаго введенія къ законамъ царя Вахтанга. Указавъ на то, что въ своемъ уложеніи онъ помѣстилъ различные законы и Моисеевы изъ Библии, и греческіе, и армянскіе, и др. грузинскіе, Вахтангъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Разсмотрите, судьи, познайте, соображайте и сіи законы, и которыми изъ нихъ пожелаете и за лучшее признаете, тѣми руководитесь» . . . Затѣмъ далѣе: «Да рассмотреть судья сперва оныя вышеупомянутыя законы, а потомъ и сіи новые, и по которымъ заблагоразсудитъ, по тѣмъ да и творитъ судъ. Я не такъ написалъ книгу сію и не льщу себя, чтобы ей уже ничего не доставало. . . Кто найдетъ или изобрѣтетъ что-либо полезное, тотъ сдѣлаетъ весьма хорошо, если присовокупитъ иное отъ себя и внесетъ въ книгу сію». Здѣсь Вахтангъ даетъ весьма точную формулировку отношенія судьи къ закону и причинъ рецепціи чужого права въ обществахъ, въ которыхъ осложненіе общественныхъ отношеній опередило развитіе традиціонной системы права, не соотвѣтствующей болѣе потребностямъ времени. И законодатель и судья ищутъ новыхъ нормъ для опредѣленія осложнившихся отношеній. Дѣятельность судьи въ такихъ обществахъ должна быть разсматриваема, не какъ подчиненная, а какъ равная дѣятельности законодателя. Законодатель не предписываетъ, а рекомендуетъ судьямъ законы. Онъ предлагаетъ имъ на выборъ различныя нормы права: пусть они руководствуются тою, которую признаютъ наиболѣе цѣлесообразною, а если они въ состояніи измыслить лучшую, то и это допускается законодателемъ. При всемъ этомъ, дѣло созиданія и формулировки юриди-

ческихъ нормъ, затруднительное и въ настоящее время, въ прежнее время, при бѣдности первобытной мысли, было крайне труднымъ. Въ силу этого рождается стремленіе воспользоваться готовыми, другими придуманными, въ другихъ странахъ, у чужихъ народовъ возникшими нормами права. Чѣмъ больше этихъ нормъ, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе простора для судьи, тѣмъ болѣе для него возможности приискать для данного случая вполнѣ подходящую норму. Вотъ почему Вахтангъ и включилъ въ свое уложеніе самые разнохарактерные сборники права». . . (стр. 83—4). Переходя затѣмъ къ вопросу о времени рецепціи армянскаго права, г. Сокольскій говоритъ: «Въ свою очередь армянское право несомнѣнно пользовалось и до Вахтанга извѣстнымъ авторитетомъ въ Грузіи, ибо иначе этотъ законодатель не обратился бы въ Эчмиадзинъ съ просьбою о присылкѣ ему для включенія въ составляющееся имъ уложеніе законовъ арм. царей. Такимъ образомъ, есть основаніе предположить, что греко-римское право, въ видѣ древн. памятника этого права, а именно такъ называемаго сирійско-римскаго юридическаго сборника, дѣйствовало съ давняго времени, какъ въ Арменіи, такъ и въ Грузіи» (стр. 88).

Е. Такайшвили. *Описаніе рукописей библіотеки «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія»* (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, выпуски XXXIII, стр. 1—144, и XXXIV, стр. 1—162).—Авторъ продолжаетъ описаніе богатой рукописями библіотеки общества грамотности и даетъ такой же обильный и интересный историко-литературный матеріалъ съ массой цѣнныхъ выписокъ, какъ и въ предыдущихъ частяхъ своего труда. Въ этой части описанія г. Такайшвили обращаютъ на себя вниманіе разночтенія мингрельскаго списка Карглись Цховреба, занимающія 87 страницъ (стр. 12—99). Авторъ заявляетъ, что «для критики текста Карглись Цховреба эти варианты имѣютъ немаловажное значеніе» (стр. 11). Далѣе г. Такайшвили приводитъ много выписокъ изъ различныхъ рукописей произведенія, переведеннаго съ персидскаго и именуемаго по грузински «Бараміани», и подводитъ итоги рукописнымъ даннымъ относительно времени перевода, достоинства и характера перевода стихотворной передѣлки (стр. 139—143), причемъ онъ исправляетъ ошибочныя мнѣнія З. Чичинадзе и А. Хаханова. Въ данной части описанія имѣется порядочное количество матеріаловъ для изученія грузинской свѣтской литературы.

Затѣмъ г. Такайшвили печатаетъ грузинскій текстъ «Сказанія о построеніи св. Софіи въ Константинополѣ» (вып. XXXIV, стр. 23—38). Точно такъ же какъ и предыдущія описанія автора и эти содержатъ весьма богатый рукописный матеріалъ разнаго рода лѣчебниковъ, одно описаніе которыхъ занимаетъ ровно сто страницъ (XXXIV, 39—139); тутъ можно встрѣтить лѣчебникъ и человѣка, и конскій, и птичій. Г. Такайшвили приводитъ массу выписокъ, какъ историко-литературнаго, такъ и лексическаго характера, что можетъ послужить матеріаломъ для специалиста историка грузинской литературы и лексикографа. Одинъ изъ этихъ лѣчеб-

никовъ за № 1274 (XXXIV, стр. 78—124) заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ древнихъ грузинскихъ переводовъ медицинскихъ памятниковъ. Изъ записи въ рукописи видно, что оригиналь этого лѣчебника былъ захваченъ во время битвы 1203 г. грузинскихъ войскъ Тамары съ войсками Рукнь-еддина (*ibid.* стр. 79) и переведенъ на грузинскій по приказанію «чкондидскаго архіепископа, канцлера, протопертимоса и перваго везира» (*ibid.* 79) Антонія нѣкіемъ бывшимъ ходжой. По словамъ г. Такайшвили, этотъ «Лѣчебникъ» по своему содержанію, распредѣленію матеріала и строгой системѣ является вполне научной книгою. Текстъ лѣчебника начинается вступленіемъ, выясняющимъ значеніе и пользу медицины и обязанности хорошаго врача, затѣмъ дается философскій взглядъ древнихъ на природу, что она состоитъ изъ четырехъ элементовъ: воды, воздуха, земли и воздуха... Всѣ предметы имѣютъ четыре главныя качества: холодное, влажное, горячее и сухое. Преобладаніе одного изъ этихъ элементовъ и вообще ненормальное ихъ распредѣленіе вызываетъ болѣзни. Болѣзни зараждаются въ организмъ человѣка, поэтому необходимо изученіе организма и его частей. Въ виду этого въ нашемъ лѣчебникѣ подробно изложена *анатомія* и *физиологія* (*sic!* у г. Такайшвили) человѣка. Переходя затѣмъ къ болѣзнямъ извѣстныхъ органовъ тѣла, лѣчебникъ для каждаго случая отдѣльно сообщаетъ сначала симптомы и признаки болѣзней, потомъ причины ихъ возникновенія и способы лѣченія, указанные извѣстными врачами. Мнѣніе каждаго изъ врачей по каждому случаю особо изложено. Составитель такъ объективенъ, что не знаешь, чье мнѣніе онъ больше раздѣляетъ. Иногда только онъ замѣчаетъ, что о такомъ то вопросѣ существуетъ споръ между учеными. Никакихъ суевѣрій, заговоровъ и заклинаній въ разбираемой книгѣ вы не найдете. Въ этомъ отношеніи нашъ лѣчебникъ стоитъ неизмѣримо выше другихъ лѣчебниковъ позднихъ временъ (*ibid.* стр. 81—2). Заслуживаетъ вниманія также переводъ сочиненія Немесіа о природѣ человѣка; переводъ принадлежитъ знаменитому грузинскому философу Іоанну Петрици; изъ сочин. г. Такайшвили приводитъ только начало и конецъ (*ibid.* стр. 142—144). Очень интересны записи и предисловіе другого грузинскаго философа и ученаго Ефрема Младшаго къ его переводу сочиненія Іоанна Дамаскина; запись содержитъ въ себѣ важныя свѣдѣнія для изученія исторіи философскихъ теченій и литературы въ древней Грузіи (см. *ibid.* 150—1); еще болѣе важно введеніе Ефрема къ тому же переводу, гдѣ онъ высказываетъ взгляды на то, какъ нужно обращаться съ научнымъ аппаратомъ: комментаріями, схоліями и т. п., какъ должно, наконецъ, писать сочиненія, литературныя произведенія. Это введеніе (*ibid.* стр. 152—157) особенно цѣнно потому, что знакомитъ насъ съ научными и литературными методами, которыми пользовались при своихъ работахъ грузинскіе писатели; въ этомъ же введеніи имѣются свѣдѣнія о знакахъ препинанія въ грузинскомъ письмѣ. Описаніе г. Такайшвили еще не кончено и можно

надѣяться, что продолженіе описанія дастъ столь же интересныя и важныя свѣдѣнія, какія находитъ специалистъ въ уже напечатанной части его труда. Нельзя не поставить автору въ упрекъ только его крайнюю лаконичность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на стр. 102, гдѣ онъ говоритъ коротко Слова св. отцовъ, Вопросы и отвѣты и т. д., но не указываетъ чьи, какихъ отцовъ и не приводитъ ни одной строчки изъ сочиненій; при такой лаконичности, собственно, указаніе «Слова св. Отцовъ» вѣдь ничего ровно не говоритъ; желательно видѣть больше выписокъ именно въ этой отрасли духовной литературы.

Галустъ Теръ-Миртычянъ. *Григорій-Маначиһръ Ражикъ изъ рода Мухрана* (Գալուստ Տէր Միրտչեան. Գրիգոր Մանաճիհր Բաճիկ Միջնաբերդի Միջնաբերդի). Չափարկապատ 1902. — Эта статья съ впервые изданнымъ армянскимъ текстомъ мученичества Григорія-Маначиһра была напечатана авторомъ сначала въ армянскомъ журналѣ «Арагатъ»; она затрагиваетъ весьма важный и еще совершенно необсѣдованный вопросъ о существованіи несторіанъ и несторіанской общины въ Арменіи. Но для исторіи грузинской церкви агіографическій памятникъ именно мученичества Григорія-Маначиһра имѣетъ значеніе по совершенно другому вопросу: Маначиһръ былъ согласно какъ армянскому, такъ и сирійскому тексту, изданному въ нѣмецкомъ переводѣ G. Hoffmann'омъ въ его *Auszüge aus Syrischen Akten persischer Märtyrer*, персидскимъ военачальникомъ въ Грузіи въ то время, когда странюю управлялъ марзпанъ Ервандъ Вшнаспъ: имя этого маршана упомянуто только въ армянскомъ текстѣ мученичества, въ сирійскомъ оно опущено. О. Галустъ высказываетъ совершенно правдоподобное мнѣніе, что данный агіографическій памятникъ могъ существовать, какъ имѣющій непосредственное отношеніе къ исторіи страны, и на грузинскомъ языкѣ; и вотъ авторъ въ поискахъ за грузинскимъ текстомъ думаетъ, не имѣетъ ли переданное въ Картлисѣ Цховреба свѣдѣніе о мученикѣ Ражденѣ связь съ Григоріемъ-Маначиһромъ; авторъ видно склоненъ думать, что связь дѣйствительно существуетъ, предполагая, быть можетъ, что имя Ражденъ произошло изъ Ражикденъ (т. е. вѣрой Ражикъ, что, какъ совершенно убѣдительно доказываетъ авторъ, обозначаетъ несторіанина), но на самомъ дѣлѣ связи между этими двумя лицами Ражденомъ и Григоріемъ-Маначиһромъ не существуетъ. На грузинскомъ языкѣ излагается житіе Раждена и этимологія этого персидскаго имени иначе. Найденное и изданное о. Галустомъ мученичество Григорія-Маначиһра имѣетъ связь не съ житіемъ Раждена, а съ другимъ грузинскимъ агіографическимъ памятникомъ, а именно съ мученичествомъ Евстаѳіа Мцхетскаго, такъ какъ въ обонхъ памятникахъ упомянутъ одинъ и тотъ же марзпанъ Ервандъ Вшнаспъ или какъ въ грузинскомъ памятникѣ онъ зовется Арвандъ Гушнаспъ; при этомъ житіе Евстаѳіа Мцхетскаго показываетъ, что въ сирійскомъ текстѣ дата приказа Хосроя гоненія на христіанъ правильнѣе, чѣмъ въ армянскомъ.

А. С. Хахановъ. *Правила VI вселенскаго собора.* (См. Древности восточ-

ныя. Труды восточн. комиссіи Московск. Археолог. Общества. Томъ II, вып. III, 1904).—Г. Хахановъ издалъ грузинскій переводъ постановленій VI вселенскаго собора; переводъ былъ сдѣланъ Евоиміемъ аеонскимъ († 1028); грузинскій текстъ изданъ по двумъ рукописямъ: 1031 года за № 96,—1791 года за № 229, оба эти манускрипта принадлежатъ церковному Музею. По словамъ издателя во вниманіе были приняты еще два списка: одинъ принадлежащій академіи наукъ, другой — ему самому (стр. 137). Г. Хахановъ переводитъ начало текста въ виду того, что оно не совпадаетъ ни съ Дѣянїями, ни съ «Правилами», извѣстными ему на греческомъ и славянскомъ языкахъ. «Повидимому, говоритъ издатель, начало «Постановленій VI вселенскаго собора» на грузинскомъ языкѣ составлено самостоятельно въ видѣ извлеченія изъ соотвѣствующихъ греческихъ памятниковъ» (стр. 138). «Первая глава не помѣчена ни буквою, ни цифрою. Она въ грузинскомъ переводѣ отличается отъ греческаго текста и славянскаго перевода нѣкоторыми подробностями, то сокращенїями, а также порядкомъ распредѣленія главъ, пропусками и вставками, которые предполагаютъ или особый списокъ, съ котораго сдѣланъ грузинскій переводъ, или же объясняются обработкой на грузинской почвѣ, подъ руками св. Евфимїа, перелagателя «Каноновъ вѣры». Всѣхъ правилъ въ грузинскомъ текстѣ 100» (стр. 144). Несомнѣнные слѣды обработки приведенныхъ правилъ на грузинской почвѣ г. Хахановъ видитъ въ Канонѣ ζβ', гдѣ въ грузинскомъ переводѣ говорится: «Каландробани, которое именуется Вромель, совершаются въ началѣ марта и въ началѣ другихъ мѣсяцевъ, когда передъ домами зажигаются костры и перепрыгиваютъ по языческому обряду; все это подобное да прекратится въ мїрѣ отнынѣ со стороны всѣхъ вѣрныхъ. Кто же не оставитъ, то если таковыя будутъ священники, лишатся сана, миряне подвергнутся канону... Видите, какъ злыя дѣянїя эти и имена идоловъ языческихъ, которые они сочли за Бога, иныя за мужскїя, иныя же за женскїя, истребилъ Дїосъ или Аполлонъ, или Артемїа, или Бочи и Гаци, Бадагонъ и Армазъ, или, призывая при выжиманїи винограда имя Дїониса, поднимаютъ смѣхъ. Все это діавольское (навожденіе) должно быть прекращено... Здѣсь наряду съ греческими богами, говоритъ авторъ статьи, мы находимъ боговъ грузинскаго пантеона: Гаци, Бочи и Армазъ, при чемъ изъ нихъ Бадагонъ, повидимому, также грузинскій богъ, встрѣчается только въ этомъ памятникѣ. Значеніе его не ясно (стр. 156)». Г. Хаханову извѣстна работа Н. Марра, въ которой устанавливается, что пантеонъ грузинскихъ боговъ, какъ онъ представлялся туземнымъ писателямъ христіанскаго періода, мало соотвѣтствовалъ дѣйствительности, что описаніе этого пантеона является только ученой попыткой въ шаблонномъ стилѣ христіанскихъ авторовъ, что грузинскій пантеонъ, какъ онъ описанъ въ Грузинскихъ Лѣтописяхъ и въ ихъ источникѣ Житїи св. Нины, вмѣщаетъ въ себѣ арїйскихъ и семитическихъ боговъ, но ни одного мѣстнаго грузинскаго

(см. Н. Марръ, Боги языческой Грузіи по древнегрузинскимъ источникамъ. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. XIV, 1901 г.).

По этому г. Хаханову слѣдовало бы точнѣе опредѣлить, считаетъ ли онъ этихъ боговъ за туземныхъ, или называетъ ихъ грузинскими съ точки зрѣнія древнегрузинскихъ писателей, и выяснитъ свое отношеніе къ выводамъ Н. Марра. Далѣе издатель Правилъ VI вселенскаго собора сообщаетъ, что «въ грузинскомъ текстѣ правило $\alpha\beta$ (68) предлагаетъ чтеніе, неимѣющее параллели въ греко-славянскомъ текстѣ. Оно объясняется результатомъ религіозныхъ преній между грузинами и армянами. «Дошло до нашего слуха то, что въ Армянской странѣ не допускаютъ изображенія свв. и честныхъ иконъ, ниже поклоняются образу для насъ воплотившагося Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа и пресвятой и преблагословенной Царицы Нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи и иныхъ святыхъ архангеловъ, апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ» (стр. 156). Ибо незаконный Петрозъ Мкацрвели какъ Хачецаръ это злое ученіе посылалъ среди нихъ, то насъ очень опечалила вѣсть объ этомъ беззаконіи. Въ виду этого такъ говоримъ и опредѣляемъ: кто не поклоняется образу Господа Нашего Иисуса Христа, тотъ не поклоняется Господу Иисусу Христу, ибо св. и Богоносный Василиій такъ говоритъ: почитаніе образа восходитъ къ первоначальному его образу, а первоначальный образъ этотъ во имя котораго изображена икона или Иисуса, пресв. Богородицы, или же иныхъ святыхъ» (стр. 157)...

«Сличеніе грузинскаго перевода правилъ съ греко-славянскимъ текстомъ, говоритъ въ заключеніе г. Хахановъ, показываетъ ихъ разницу въ составѣ, распредѣленіи и деталяхъ матеріала; нѣкоторыя правила перваго отсутствуютъ во второмъ и обратно. Это обстоятельство въ связи съ другими фактами даетъ основаніе предположить, что грузинскій переводъ или восходитъ къ особой неизвѣстной греческой редакціи, или же представляетъ самостоятельную переработку ихъ на грузинской почвѣ. Внимательное разсмотрѣніе грузинскаго текста склоняетъ меня ко второму предположенію. Самостоятельной переработкой слѣдуетъ объяснить устраненіе полемики противъ римской церкви и усиленія состава правилъ противъ церкви армянской. Но вопросъ остается открытымъ, чьимъ авторитетомъ руководствовался св. Евѣимій, внося въ постановленія вселенскаго собора дополненія и измѣненія» (стр. 159).

Сличеніе грузинскаго перевода Постановленія VI вселенскаго собора съ греческимъ текстомъ привело г. Хаханова къ слѣдующимъ выводамъ: каноны грузинскаго текста, греческаго $\iota\epsilon'$, $\iota\zeta'$, $\kappa\zeta'$, $\kappa\theta'$, $\lambda\delta'$, $\lambda\eta'$, $\lambda\theta'$, $\mu\epsilon'$, $\mu\eta'$, $\nu\alpha'$, $\nu\beta'$, $\nu\zeta'$, $\nu\theta'$, $\xi\gamma'$, $\xi\delta'$, $\omicron\alpha'$, π' , $\pi\gamma'$, $\phi\delta'$, $\psi\zeta'$, $\psi\eta'$, ρ' , $\rho\alpha'$ не имѣютъ соотвѣтствія (см. стр. 145—9); правило δ' греко-славянскаго текста значительно короче соотвѣтствующей грузинской главы (стр. 145), каноны $\kappa\beta'$ = $\beta\zeta$ съ ссылкой на апостольскіе каноны вѣры и епистолии Василія Кессар. къ епископамъ; посланіе Василія Вел. приводится (стр. 146); λ' = ω , $\omega\zeta$; $\mu\delta'$ = $\delta\zeta$ съ подробностями; ν' = $\theta\beta$ отчасти; $\nu\epsilon'$ = части $\omicron\beta$; $\xi\epsilon'$ = $\beta\zeta$, т. е. $\xi\beta'$

и ζε' соответствуют въ грузинскомъ одной главѣ; πβ' = αβ' здѣсь дополняется грузинскій текстъ словами противъ Петроса еретика и указаніями о первомъ образѣ, данномъ самимъ Спасителемъ Авгаросу Эдесскому (стр. 148). Г. Хахановъ не касается совершенно одного весьма важнаго и существеннаго вопроса, возможно ли допустить, чтобы Постановленія VI вселенскаго собора не существовали до X — XI в. на грузинскомъ языкѣ и Евѳимій аѳонскій являлся бы первымъ переводчикомъ даннаго памятника, если это невозможно допустить, то чѣмъ была и могла быть вызвана необходимость вторичнаго перевода этого памятника на грузинскій языкъ, наконецъ, есть ли это переводъ, или только исправленіе прежняго перевода?

П. Джаваховъ.

SYRIE.

Notice sommaire des ouvrages et des articles relatifs à la langue et à la littérature syriaques, parus en 1904.

Bibliographie.

Perini. *Catalogo dei codici manoscritti ed oggetti portati dall' Oriente nel 1879 dal P. Agostino Ciasca.* (Bessarione, fasc. 76, p. 58—71; 78, p. 258—281).—Le R. P. Perini donne la liste des mss. orientaux rapportés d'Orient par Mgr. Ciasca et dont Mgr. Scelhot Patriarche de Syriens avait fait cadeau à la Propagande; ils sont maintenant dans la Bibliothèque Vaticane. Plusieurs de ces mss. sont syriaques, soit entièrement soit en partie; il y a entre autres un ms. de la Didascalie.

Grammaire.

James A. Crichton D. D. *Compendious Syriac Grammar by Th. Nöldeke. translated from the second and improved edition.* London, Williams & Norgate 1904, in 8°, XXX, 336.—M. Crichton a donné une traduction anglaise très exacte de la 2-de édition de la «Kurzgefasste Syrische Grammatik» de Nöldeke. Le traducteur y a répété en marge, sous forme de rubrique, le contenu de chaque paragraphe, et y a ajouté un index des passages des auteurs cités dans la grammaire.

Dr. Abraham Yohannan. *Remarks on pronunciation of modern Syriac* (Journal of the American Orient. Society. T. XXV, I).—Ces notes que publie le Dr. Yohannan sur la prononciation du syriaque moderne, se rapportent au dialecte d'Urmia.

Th. Nöldeke. *Zur semitischen Pluralendung.* (Zeitschrift für Assyriologie, XVIII, p. 68—72).

W. Barth. *Beiträge zur Pluralbildung des Semitischen.* (Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft, LVIII, 431—446).

M. Nöldeke et M. Barth, traitant de la formation des pluriels sémitiques, sont naturellement amenés à discuter aussi les formes du pluriel syriaque.